

Иван Кабанов

Тень над живым городом

«Автор»

2026

Кабанов И.

Тень над живым городом / И. Кабанов — «Автор», 2026

Мир, каким он был, больше не существует. Города опустели, цивилизация рухнула, а по заброшенным улицам бродят те, кто когда-то был людьми. Девушка по имени Ирина просыпается среди мёртвого Брянска — без имени, без прошлого, без воспоминаний. Ирина попадает в Новый Орёл, где люди отчаянно цепляются за жизнь за бетонными стенами. Здесь она встречает Петра — бывшего фермера, ставшего солдатом, чей спокойный гуманизм противостоит жестокости командира Кайла, и Артура Павловича — главу города, за маской усталого руководителя скрывающего опасную осведомлённость о природе красного света и самой Ирины. Ирина развивает в себе сверхчеловеческие способности — скорость, силу, обострённые чувства, — но не может их контролировать. «Тень над живым городом» — это история о поиске себя в мире, который потерял себя. О силе, которая может стать спасением или проклятием. О людях, которые остаются людьми, когда вокруг просыпается звериное. И о красном свете. Свет, за которым идёт Тень.

© Кабанов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Новая жизнь.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Иван Кабанов

Тень над живым городом

Глава 1. Находка.

1)

Девушка шла по пустой улице, и каждый её шаг отдавался в тишине, будто город специально прислушивался. Дома стояли, как старые, уставшие стражи: окна — чёрные провалы, фасады потрескались, а кое-где кирпичная кладка уже сдалась под натиском времени и мха. Здесь давно никто не жил. И она не помнила, кто она. Не знала, как оказалась здесь. Даже сколько дней прошло с того момента, как она открыла глаза среди заброшенных стен, — терялось где-то между рассветом и закатом, между горстью ягод и банкой консервов с полустёртой этикеткой.

Она научилась выживать по чуть-чуть, по крохам. Ловила зайцев, собирала ягоды, заглядывала в квартиры, где когда-то жили люди, и находила там остатки прежней жизни: старые книги, детские игрушки, посуду с отколотыми краями. Иногда ей казалось, что эти вещи — как подсказки, будто если перебрать их все, можно собрать себя заново. Но ни одна чашка, ни одна фотография не шептали ей имени.

Дни сменяли друг друга, похожие, как капли дождя. Утро начиналось с холода и тишины, день тянулся долго, а вечером она забиралась в какой-нибудь дом, чтобы спрятаться от ветра и темноты. И так снова и снова. Но сегодня что-то изменилось. Не снаружи — внутри. Будто воздух стал гуще, а тишина — напряжённой, словно перед грозой.

И она решила уйти.

Путь к окраине занял полдня. Дороги почти не осталось: асфальт растрескался, сквозь него пробивались трава и кусты, а местами дорогу перекрывали поваленные деревья или груды обломков. Но она шла, не оглядываясь, будто сама решимость толкала её вперёд.

Наконец, она вышла к тому месту, где город заканчивался. Здесь стоял старый дорожный знак, когда-то указывавший название города. Теперь он лежал на боку, перекошенный, будто его сбила невидимая сила, а краска выцвела настолько, что буквы едва угадывались. «Брянск», — прочитала она по буквам, словно пробуя слово на вкус. Оно ничего ей не говорило, но в нём было что-то важное — как ключ, который пока не подходил ни к одному замку.

Она остановилась у границы, где асфальт обрывался, а дальше начиналась дикая земля: поле, поросшее высокой травой, и тёмный лес вдалеке. Ветер шевелил траву, и на мгновение ей показалось, что земля зовёт её. Или предупреждает.

Девушка глубоко вдохнула. В воздухе пахло дождём, пылью и чем-то ещё — чем-то металлическим, как перед бурей. Она сделала шаг вперёд, за черту, туда, где город переставал быть убежищем и становился просто воспоминанием.

И в тот момент, когда её нога коснулась травы за пределами асфальта, небо вспыхнуло.

Не молнией, не зарницей — а ровным, густым красным светом, будто кто-то включил гигантский прожектор где-то высоко над облаками. Свет не мигал, не пульсировал — он просто горел, заливая всё вокруг тревожным, неестественным оттенком. Тени стали глубже, цвета — тусклее, а воздух словно потяжелел.

Девушка замерла, подняв голову. Сердце забилося быстрее, но не от страха — от странного ощущения, что именно этого она и ждала. Что этот свет — не случайность, а знак. Может быть, даже ответ.

Красный свет держался долго, будто время на секунду остановилось. А потом, так же внезапно, как появился, он начал тускнеть, растворяясь в синеве наступающих сумерек. Но даже когда он исчез, ощущение перемены осталось.

Она стояла на границе города и мира, который был ей незнаком. И теперь она знала одно: назад она не вернётся.

2)

Вот и красный свет, совсем близко. Девушка замерла в десятке шагов от источника красного света. Он не мерцал, не пульсировал — горел ровно, будто огромная лампа, упрятанная в железный кожух. Свет заливал асфальт, выхватывал из темноты покосившиеся вывески, ржавые каркасы машин, трещины в плитке. В этом алом свете всё казалось чужим, словно она смотрела на мир сквозь чужое, искажённое зрение.

Она присела, прижимаясь к стене полуразрушенного киоска, и осторожно выглянула. Прямо перед ней, посреди бывшей проезжей части, стоял металлический ящик. Из узкой щели по бокам пробивался этот самый красный свет, а из-под крышки доносилось тихое, ритмичное гудение — не как у мотора, а скорее как у старого трансформатора, который вот-вот выйдет из строя.

Девушка сжала кулаки. Пальцы дрожали не от страха, а от странного предвкушения: столько дней она бродила по мёртвому городу в полной тишине, где даже ветер казался чужим, а тут — звук, свет, ощущение, что она не одна в этом опустевшем мире. Но вместе с тем в груди ворочалось что-то тяжёлое, предупреждающее: не спеши.

Она огляделась. Вокруг — ни души. Только тени от света плясали на стенах, будто кто-то невидимый шевелился в проёмах окон. Рюкзак остался у заброшенной заправки, и сейчас это казалось правильным: без лишнего груза она могла быстрее отступить, если что-то пойдёт не так.

Сделав глубокий вдох, девушка медленно поднялась и сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Гудение становилось громче, а свет — ярче. Она протянула руку, но не коснулась ящика, а замерла в сантиметре от тёплой металлической поверхности. Металл вибрировал, передавая эту дрожь прямо в ладонь.

И вдруг свет резко померк. Не погас совсем, а будто сжался, втянулся внутрь, оставив после себя лишь тусклое красное пятно, похожее на уголёк в остывающем костре. Гудение сменилось коротким щелчком — и наступила тишина. Такая плотная, что девушка слышала, как кровь стучит в висках.

Она отступила на шаг, оглядываясь по сторонам. Всё вокруг снова погрузилось в полумрак, и только слабый отсвет ещё держался на асфальте, словно память о том, что здесь что-то было. И тут она заметила: на крышке ящика, прямо под узкой щелью, была выбита короткая надпись — не буквы, а символы, похожие на руны или значки, которых она раньше не видела. Они казались свежими, будто их нанесли совсем недавно.

В этот момент где-то позади, со стороны многоэтажки, раздался тихий скрежет — будто кто-то провёл металлом по бетону. Девушка резко обернулась, вглядываясь в темноту. Сердце снова забилось часто, но теперь к любопытству примешался холод настоящего страха.

«Я здесь не одна», — пронеслось у неё в голове.

Не раздумывая, она метнулась в сторону, нырнув в тёмный проход между домами. Она бежала, не разбирая дороги, чувствуя, как холодный воздух обжигает лёгкие, а в голове крутится только одна мысль: эти символы, этот свет, этот звук — всё это не просто так. Кто-то или что-то следит за этим местом. И, возможно, теперь он, она или оно следит за ней.

3)

Девушка мчалась по заброшенному городу, будто сама тишина гнала её вперёд. Асфальт под ногами был покрыт трещинами, сквозь которые пробивались жёсткие стебли травы, а между домами висел тяжёлый, неподвижный воздух — словно город затаил дыхание. Красный свет вспыхивал то тут, то там, как насмешливые глаза, и каждый раз она вздрагивала, чувствуя, как по спине ползёт колючий холод. Звук, похожий на скрежет металла по стеклу, тянулся следом, будто кто-то нарочно дразнил её, не давая уйти.

Она то и дело оглядывалась, всматриваясь в провалы подъездов, в тёмные окна, в пустые дворы — везде мерещились движения, тени, которые тут же растворялись в сером свете угасающего дня. Сердце колотилось так, что отдавалось в ушах, заглушая даже этот жуткий скрежет. Но в голове билась одна мысль: рюкзак с едой на заброшенной заправке. Без него выбраться из города было почти невозможно.

Параллельно по улице, не разбирая дороги, промчались олени — их испуганные глаза на мгновение встретились с её взглядом, и этого хватило, чтобы понять: не только она чувствует, что здесь что-то не так. Животные бежали прочь, и в этом отчаянном порыве было больше правды, чем в любых догадках.

Наконец впереди показалась заправка — ржавая вывеска едва держалась на покосившихся столбах, а рядом чернел силуэт магазина. Девушка добежала до рюкзака, схватила его, но пальцы дрожали так сильно, что она едва смогла застегнуть пряжку. На секунду она остановилась, пытаясь унять дрожь, и позволила себе пару глотков воздуха. Холод пробирался под одежду, царапал кожу, и впервые за долгое время она почувствовала, как сильно замёрзла.

Внутри магазина не осталось ни стёкол, ни уюта — только пустые полки, покрытые слоем пыли, и сквозняк, который гулял между пролётами, словно искал, кого бы ещё напугать. Она присела у стены, прижимая рюкзак к себе, будто он мог защитить её от всего, что надвигалось. Мысли путались, но одно чувство было кристально ясным: за ней следят. Не просто наблюдают — знают, где она, и ждут подходящего момента.

Шаги послышались внезапно — негромкие, осторожные, будто кто-то старался ступать так, чтобы не спугнуть добычу. Девушка замерла, прислушиваясь. Звук шёл от дальнего конца зала, где когда-то стоял холодильник, а теперь зияла тёмная пустота. Она медленно подняла голову, всматриваясь в полумрак, но не увидела ничего, кроме теней, сплетающихся в причудливые узоры.

Паника подступила к горлу, сдавила его колючей волной. Девушка поняла: оставаться здесь нельзя. Тот, кто шёл за ней, знал, где она. И, возможно, уже улыбался, предвкушая финал этой короткой погони.

Она рванулась к выходу, едва не споткнувшись о валявшуюся на полу жестяную банку. Ветер ударил в лицо, как будто город пытался удержать её, шептал: «Останься, здесь безопаснее». Но она не слушала. Едва она выскользнула из проёма, как что-то тяжёлое обрушилось на затылок. Мир на мгновение вспыхнул ослепительно-белым светом, а потом рассыпался на тысячи осколков.

Сознание погасло, как лампочка, которую резко выкрутили из патрона. Девушка упала на холодный асфальт, а вокруг снова воцарилась тишина — такая густая и плотная, что казалось, её можно потрогать руками. Красный свет на мгновение вспыхнул ярче, будто торжествуя, и снова померк, оставив город наедине с его тайной.

4)

Медленно девушка приоткрыла глаза, и мир навалился на неё резкой болью — словно кто-то ударил молотком прямо в висок. Шум в голове не стихал, смешиваясь с глухими, отрывистыми голосами. Она лежала на холодном полу, под щекой — шершавый бетон.

Постепенно слова стали складываться в смысл. Четверо мужчин спорили. Один кричал так, что голос срывался на хрип:

— У нас два варианта: или тащить её с собой, чего я не хочу, или просто убрать её!

Второй, спокойный и размеренный, будто говорил о погоде, пытался его урезонить:

— Успокойся, Кайл. Мы не можем просто так пустить пулю в голову. Сначала нужно понять, кто она такая. Если это не та, кого мы ищем, командование нас самих в расход пустит.

Двое других лишь изредка вставляли короткие фразы: один кивал, соглашаясь с нервным Кайлом, другой пожимал плечами, будто ему было всё равно, чьё мнение победит.

Девушка осторожно пошевелилась, стараясь не выдать себя ни звуком, ни вздохом. Она перевернулась чуть-чуть, ровно настолько, чтобы краем глаза увидеть их. Чёрная форма, плотная броня с жёсткими вставками, автоматы на ремнях, тяжёлые ботинки. А на спинах — мечи. Длинные, с витыми рукоятями, будто из другого времени, не из этой холодной, стальной реальности.

Она задержала дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая звук собственных мыслей. «Солдаты, — пронеслось в голове. — Но чьи? И зачем я им?»

Спор не утихал. Кайл снова повысил голос, шагнул вперёд, сжимая приклад автомата так, что побелели костяшки пальцев:

— Да сколько можно тянуть?! Мы в любом случае валим из этого мёртвого города. Здесь нет ничего и никого. И непонятно, что она тут забыла. Вспомни, что глава нам сказал, давая этот ящик. Она пришла на свет.

Спокойный мужчина шагнул к нему, положил руку на плечо:

— Если ты сейчас сорвёшься, мы провалим миссию. Сядь. Переведи дух. Мы разберёмся.

И в этот момент тишина, которая на секунду повисла между их словами, стала предательски громкой.

Один из двоих, что почти не участвовал в споре, вдруг замер. Его взгляд скользнул по полу и остановился прямо на ней. Глаза расширились, он резко кивнул в её сторону:

— Она очнулась.

Все четверо разом обернулись.

Кайл вскинул автомат. Спокойный мужчина тут же шагнул вперёд и резко опустил ствол вниз:

— Не стрелять! Мы не знаем, кто она!

Девушка приподнялась на локтях, чувствуя, как дрожат руки. Она хотела что-то сказать, но голос застрял в пересохшем горле. Перед ней стояли не просто солдаты — это была боевая группа, отточенная, привыкшая убивать. И сейчас все их взгляды были прикованы к ней.

— Кто ты такая? — спокойный мужчина сделал шаг вперёд, не опуская рук, будто показывая, что не собирается нападать. — И что ты здесь делаешь?

Девушка сглотнула, пытаясь собрать мысли в кучу. В голове всё ещё шумело, но одно она знала точно: если скажет правду — её, скорее всего, убьют. А если сойдёт — возможно, появится хоть крошечный шанс выбраться отсюда живой.

— Я... я просто гуляла, — голос прозвучал хрипло, едва слышно. — Я ничего не видела. Честно.

Кайл фыркнул, сделал шаг вперёд:

— Гуляла? По мёртвому городу? Ты думаешь, мы совсем дураки?

Спокойный мужчина поднял руку, останавливая его, и снова посмотрел на девушку:

— Значит, ты ничего не видела. Хорошо. Тогда скажи, как ты сюда попала? Как твоё имя? И не ври. Здесь враньё стоит дорого.

Девушка обвела взглядом комнату — пустое помещение, бетонные стены, разбитая лампа под потолком, на полу — следы ботинок, обрывки проводов. Никакой надежды на побег. Только эти четверо и их вопросы.

Она глубоко вдохнула, чувствуя, как страх смешивается с упрямой решимостью.

— Меня... меня сюда привёл один человек. Он сказал, что тут безопасно. Но потом... потом он исчез. Меня зовут... Ирина.

Слова прозвучали неуверенно, но это было хоть что-то. Спокойный мужчина прищурился, будто пытался прочесть в её глазах правду.

— Имя. Назови его имя.

Девушка замерла. Мысли словно потерялись в этой тишине.

— Я не помню, — прошептала она. — Всё смешалось. После удара...

Кайл снова шагнул вперёд, но спокойный мужчина резко преградил ему путь:

— Хватит. Мы не будем стрелять. Пока. Но и просто так её не отпустим.

Он повернулся к остальным:

— Свяжите её крепче. Аккуратно. И отвезем в город. Пусть аналитики разберутся, кто она и что знает.

Двое солдат шагнули к ней. Девушка отшатнулась, но сил сопротивляться не было. Мир снова поплыл перед глазами, а голоса слились в один глухой гул.

«Только не терять сознание, — повторяла она про себя, пока ей завязывали руки. — Только не сейчас».

5)

Схваченная шла, с трудом удерживая равновесие — верёвки врезались в запястья, а каждый рывок тех двоих, что держали её за подмышки, отзывался острой болью в плечах. Коридор тянулся бесконечно, будто издеваясь над её надеждой на скорый выход. Тусклый свет, едва пробивавшийся из редких дыр в потолке, ложился на серые стены неровными пятнами, подчёркивая их шершавую, будто изъязвлённую временем текстуру.

Кайл шагал впереди размашисто, будто нарочно громко стучал сапогами, и от этого звука по спине девушки бежали мурашки. Он то и дело оборачивался через плечо, сверкая горячими, почти безумными глазами, и бросал отрывистые фразы, больше похожие на приказы, чем на слова:

— Не тормози! Ещё шаг сделаешь не туда — я сам тебя потащу!

Девушка вздрагивала, но старалась не показывать страха. Вместо этого она снова и снова пыталась поймать взгляд того, кто шёл позади, — того самого мужчины, что хоть как-то сдерживал остальных. И когда их глаза встречались, он едва заметно кивал, будто говоря: «Держись. Ещё немного». В этом коротком, почти незаметном движении было столько тихой силы, что у девушки перехватывало дыхание.

Тот мужчина не носил шлема, и в полумраке коридора его черты казались высеченными из камня: твёрдый, чуть угловатый подбородок, лёгкая тень усталости на лице, но при этом — ни капли жестокости. Его голубые глаза оставались спокойными, даже когда вокруг всё кипело. Он легко нёс тяжесть оружия и доспехов, будто они были не тяжелее плаща, и при этом успевал замечать каждую мелочь: как девушка спотыкается, как вздрагивает от крика Кайла, как пытается повернуть голову, чтобы ещё раз увидеть его лицо.

Двое по бокам, напротив, двигались нервно, дёргано. Они явно чувствовали себя не в своей тарелке, будто эта миссия была им не по плечу. Один из них то и дело косился на Кайла, словно ожидая от него одобрения или, наоборот, стараясь не попасть под горячую руку. Второй вообще почти не смотрел на девушку — только вперёд, будто надеялся, что коридор вот-вот закончится и ему больше не придётся быть частью этой процессии.

Поворот следовал за поворотом, и каждый раз, когда путь резко уходил в сторону, у девушки внутри всё сжималось от предчувствия чего-то неизбежного. Что ждало их в конце этого бесконечного пути? Она не знала. Но чем дальше они шли, тем сильнее ей казалось, что этот молчаливый защитник сзади — её единственная ниточка к чему-то человеческому в этом чужом, холодном мире.

Вдруг Кайл резко остановился, и вся группа замерла. Девушка едва не врезалась в спину одного из своих конвоиров, но тот грубо оттолкнул её назад. В тишине, которая обрушилась на коридор, стало слышно тяжёлое дыхание всех четверых и тихий, едва уловимый гул откуда-то из глубины здания.

— Здесь, — коротко бросил Кайл, указывая на массивную металлическую дверь, вмурованную в стену. Она выглядела так, будто её поставили здесь не для того, чтобы что-то защищать, а чтобы навсегда что-то скрыть.

Мужчина, шедший сзади, на секунду задержался, будто хотел что-то сказать, но лишь снова встретился взглядом с девушкой. В этот раз в его глазах мелькнуло что-то новое — не просто спокойствие, а будто обещание: «Я не позволю им сделать с тобой худшее».

И прежде чем дверь с тяжёлым скрежетом начала открываться, девушка успела подумать: «Если мне суждено пройти через это, пусть он будет рядом. Я так долго была одна в этом давно брошенном городе... И сейчас я в плену. И надежда только на этого спокойного, голубоглазого мужчину позади меня».

б)

Кайл снова шагнул вперёд, и в коридоре от его резкого движения будто стало ещё темнее. Он ткнул пальцем в сторону девушки, но не дотронулся — словно боялся, что от одного касания всё окончательно выйдет из-под контроля.

— Ты слышала, что он сказал? — рявкнул Кайл, не сводя с неё глаз, но обращаясь к мужчине, который встал между ними. — Штаб пусть решает! А пока они там решают, она будет сидеть и смотреть на нас, будто ничего не происходит. А если это она? Если это та самая? Ты понимаешь, сколько городов сторело из-за такой, как она?

Спор произошёл прямо возле двери. Кайл закрыл дверь и решил допросить девушку, но всё пошло не по его плану. Мужчина, стоявший перед девушкой, не сдвинулся с места. Он стоял спокойно, но в его позе чувствовалась готовность в любой момент перехватить Кайла, если тот сорвётся.

— Понимаю, — тихо, но твёрдо ответил он. — И именно поэтому нельзя принимать решение на нервах. Мы не будем лишать жизни каждую, потому что это приказал Артур Павлович. Пусть штаб проверит. У них есть протоколы, есть специалисты. А у нас — только страх ошибиться и слова главы.

Кайл дёрнул плечом, будто слова обожгли его.

— Слова главы? — процедил он. — У нас приказ. И теперь мы стоим тут и рассуждаем, как вежливые гости на ужине, пока она сидит и сочиняет себе новую жизнь.

Девушка — теперь «Ирина» — медленно опустила взгляд, но не от страха, а чтобы спрятать то, что мелькнуло в глазах: понимание. Она вдруг отчётливо осознала: неважно, что она скажет. Для Кайла она уже та, кого они ищут — просто по совпадению черт лица, по тому, как падает свет на её волосы, по тому, что она оказалась не там, где положено быть обычным людям. Ирина не понимала в чём конкретно её обвиняют, но Кайл говорил убедительно. Да и сама она не помнит ничего. Возможно она и правда та, которую они ищут.

Она сжала пальцы так, что ногти впились в ладони. Боль помогала держаться.

— Я не знаю, о чём вы говорите, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я просто жила. Тихо. Никого не трогала.

Кайл резко наклонился к ней, почти касаясь её лица своим, и прошепел:

— Тихо? Ты жила тихо, в заброшенном городе. Одна. Как ты прожила здесь? Еда, вода. Чем ты питалась?

Ирина подняла глаза — не на Кайла, а на того, спокойного. Он единственный смотрел на неё не как на угрозу, а как на человека. И в этом взгляде она увидела крошечную щель, через которую можно было протиснуть правду — не всю, но достаточно, чтобы выиграть время.

— Меня нашли в лесу, — начала она, подбирая слова осторожно, как ступает по тонкому льду. — Было холодно. Я почти ничего не помню. Потом меня взяли к себе Михаил и Лидия. Они жили у железной дороги, в старом доме. Там была яблоня во дворе...

— Железная дорога, — фыркнул один из людей Кайла, стоявший у стены. — Да там уже десятки лет как ни души. Мы проходили там вчера.

— Но мы там жили, — спокойно повторила Ирина. — Я не спорю. Просто это то, что я помню. Я точно не знаю, говорю же меня маленькой нашли добрые люди и воспитали. Она

сказали, что город пал и они единственные выжившие. Возможно моё жильё отличается от вашего, привычного для вас. Я не знаю.

Кайл выпрямился, провёл ладонью по лицу, будто стирая с него ярость, но она тут же возвращалась, как тень, следующая за ним.

— Ладно, — бросил он, отходя на шаг. — Допустим. Допустим, ты просто девочка, которая выросла в развалинах. Но скажи мне вот что: ты когда-нибудь замечала за собой что-то странное? Что-то, чего не бывает у других?

Ирина замерла. В голове пронеслось столько вещей, которые нельзя было произносить вслух: как в темноте она видит лучше, чем при свете; как слышит шаги за три квартала; как однажды, когда на неё бросился одичавший пёс, она не просто увернулась — она двигалась так, будто время замедлилось.

— Нет, — сказала она. — Ничего такого.

Кайл прищурился, будто пытался прочесть ответ по её зрачкам.

— Врёшь, — прошептал он. — Я вижу, что врёшь.

В этот момент снаружи донёсся звук — не хруст ветки и не скрип двери, а что-то другое: низкий, вибрирующий гул, от которого у Ирины внутри всё сжалось, потому что она знала этот звук. Он шёл из её прошлого, из того, что она не могла вспомнить, но чувствовала кожей.

Все в комнате одновременно повернулись к полуоткрытой двери. Даже Кайл забыл про свой гнев — на секунду.

— Что это? — спросил один из мужчин, голос его дрогнул.

— Не знаю, — ответил спокойный мужчина, но в его глазах мелькнуло беспокойство. — Но это близко.

Гул нарастал, и вместе с ним в коридор будто проникал холод, не от ветра, а изнутри стен, из самой тишины. Ирина почувствовала, как по спине пробежал ледяной ток, и поняла: легенда, которую она только что придумала, больше не имела значения. Что-то шло за ней. И оно знало, где она. Возможно это то самое, что следовало за ней от самого источника красного света.

— Надо уходить, — тихо сказал спокойный мужчина, уже не споря, а констатируя факт. — Сейчас.

Кайл сжал кулаки, потом резко махнул рукой:

— К машине. Быстро. И держите её рядом. Если это она... если это действительно она, мы не можем её потерять.

Мужчины подхватили Ирину под руки, но на этот раз не грубо — скорее, чтобы удержать, если она вдруг поскользнётся или упадёт. Она не сопротивлялась. Она шла, чувствуя, как с каждым шагом гул становится громче, а тень прошлого — ближе.

Они выскользнули из здания, и ночь накрыла их, как тяжёлое одеяло. Где-то впереди, за руинами домов, мерцал тусклый свет фар. Машина ждала. Но Ирина краем глаза заметила, как в переулке, в густой темноте между двумя полуразрушенными зданиями, что-то шевельнулось — не человек, не зверь, а нечто, что двигалось иначе. Оно наблюдало. И ждало.

7)

Джип рванул с места так, что Ирину вдавило в сиденье. Под колёсами хрустел гравий, потом бетон, потом что-то, чему она не могла подобрать названия — поверхность, по которой ехать было всё равно что лететь по стёртой шкуре старого зверя. Кайл сидел за рулём неподвижно, как вросший в машину, и лишь его руки на баранке подрагивали — не от тряски, а от того, что он не выпускал из себя злость, словно выбирал, на кого её обрушить в следующий раз.

Ирина прижалась лбом к холодному стеклу. За окном проплывали силуэты — мёртвые дома, покосившиеся столбы, тёмные провалы окон, в которых не было ни света, ни жизни. Она пыталась дышать ровно, но каждый вдох давался с трудом, будто воздух в машине стал гуще.

Тот самый — спокойный — сидел рядом с ней на заднем сиденье. Близко, но не касаясь. Он молчал, пока они не отъехали на пару километров, а потом сказал тихо, так, чтобы Кайл не расслышал через гул мотора:

— Пётр. Меня зовут Пётр.

Ирина повернула голову. В тусклом свете приборной панели его лицо казалось старше, чем было на самом деле. Коротко стриженные тёмные волосы, глубокие морщины у рта — не от возраста, а от привычки сжимать губы. Глаза — серые, внимательные, но без той тяжести, которую она видела у Кайла.

— Ирина, — ответила она, и собственное имя прозвучало чуждо, будто она произносила его впервые и будто она не представлялась уже своим похитителям.

— Дорога будет не близкой, — сказал Пётр, чуть повысив голос из-за мотора. — Часа три, если Кайл не решит нас угробить.

Спереди донёсся сдавленный звук — то ли усмешка, то ли рычание. Кайл не обернулся, но его плечи напряглись.

Ирина хотела спросить куда они едут, но язык не повиновался. Вместо этого она снова прижалась к стеклу и стала смотреть назад, в черноту, уплывающую за кормой джипа. И вот тут она почувствовала.

Оно ушло.

Не исчезло — ушло. Как уходит боль, когда отпускает лекарство: не сразу, а волнами, слоями. Сначала отступила тяжесть, давившая на затылок, потом — холод в спине, потом — вибрация, которая шла не снаружи, а изнутри, из какой-то точки между рёбрами, которую она никогда не умела назвать. Теперь эта точка молчала.

Но Ирина знала: молчание — не тишина. Молчание — это пауза. И то, что следовало за ней, умело ждать.

Она закрыла глаза и попыталась вернуться туда — в тот момент, когда бежала. Красный свет. Он был повсюду: на стенах, на земле, в воздухе, будто кто-то разлили расплавленный металл и он застывал прямо в пространстве, образуя стены, которых не было. Она бежала, и свет гнался за ней, но не как человек — не по прямой, а по кругу, окружая, сжимая кольцо. И где-то в этом кольце, в самой яркой точке, что-то было. Или кто-то. Она помнила, что видела — не лицо, а скорее очертания, контуры чего-то высокого и узкого, будто столб света, обёрнутый в тень. Но когда она пыталась всмотреться, детали рассыпались, как пепел.

Что ещё? Запах. Да, был запах — горелый, но не дерево, не пластик. Что-то другое, чего она не встречала ни до, ни после. И звук — не гул, нет. Гул начался позже, когда уже они стояли возле двери. А тогда, в красном свете, был звук... она не могла его описать. Как будто кто-то очень медленно тянул металлическую струну, и от натяжения она вибрировала на грани разрыва.

Ирина стиснула виски пальцами связанных рук. Нет. Детали ускользали, как вода сквозь сжатые кулаки. Она помнила только ощущения: страх, холод, бег, и этот красный свет, от которого нельзя было отвернуться, потому что он был везде.

— Эй, — голос Петра вернул её. — Ты побледнела. Дыши.

Ирина сглотнула и разжала пальцы.

— Я в порядке, — сказала она, хотя не была в этом уверена.

Пётр посмотрел на неё долгим взглядом, потом отвернулся к окну. Несколько минут они ехали в тишине — если тишиной можно назвать рёв мотора и стук камней под колёсами. Потом он заговорил, и Ирина поняла, что он делает это не для себя, а для неё — чтобы вытащить её из того места, куда она ушла мыслями.

— Я не всегда был военным, — начал он негромко, ровным тоном, каким рассказывают что-то давно прожитое и пережёванное. — До всего этого я работал на ферме. У отца. Маленькое хозяйство на юге, Пётр показал направление пальцем — коровы, овцы, огород. Жили небо-

гато, но и не голодали. Я думал, так и пройдет вся жизнь: сеять, жать, зимовать, весной снова сеять. Мне и хорошо было.

Он замолчал, и Ирина, не поворачивая головы, почувствовала, что он улыбается — не весело, а с той тихой грустью, с какой люди улыбаются, вспоминая то, чего больше нет.

— А потом пошли слухи, — продолжил он. — Сначала про города, которые снова пустеют, как тогда, много лет назад. Потом про людей, которые уходят и не возвращаются. Деревня наша была далеко от больших дорог, думали — нас не коснётся. Но однажды ночью пришли. Не солдаты. Не разбойники. Кто-то другой. Я не могу объяснить. Они не стреляли, не кричали. Просто шли по улице, и дома... темнели. Будто из них вытягивали жизнь. Отец вышел с ружьём. Мать — кричала, чтобы он вернулся. Он не вернулся.

Пётр замолчал. Джип подпрыгнул на ухабе, и Ирина чуть не ударилась головой о потолок. Кайл выругался сквозь зубы и сбросил скорость.

— Я ушёл из деревни на следующее утро, — сказал Пётр после паузы. — Мать к тому времени уже... не разговаривала. Не с кем было разговаривать. Пошёл в город, а там — вербовка. Людей набирали. Объясняли мало: есть угроза, есть порядок, есть задача. Я подписался. Не потому что верил в их порядок. А потому что хотелось понять, что это было. Что пришло в нашу деревню той ночью. Никто же не посвятил меня в устрои этого мира. Я был как ты. Ничего не знал.

Ирина смотрела на него. В свете приборной панели его профиль — прямой нос, тяжёлая челюсть, тень от скулы — казался высеченным из камня. Но глаза были живые, тёплые, и в них стояла та самая картина: отец выходит в темноту с ружьём, и темнота его принимает.

— И вы поняли? — тихо спросила Ирина.

Пётр медленно качнул головой.

— Понял. Но ещё я научился отличать, когда человек врёт, а когда говорит правду, которая страшнее любой лжи. — Он посмотрел на неё. — И я вижу, что ты не врёшь, Ирина. Ты просто не всё говоришь. Это разные вещи.

Ирина хотела ответить, но тут Кайл резко повернул голову — впервые за всю дорогу — и бросил на Петра взгляд, от которого тот замолчал. В этом взгляде было всё: и злость, и обвинение, и что-то ещё, что-то похожее на обиду, как будто Петру нельзя было рассказывать такое при ней, как будто эти истории принадлежали только своим, а она — чужая, непонятно откуда взявшаяся, непонятно куда ведущая.

Пётр выдержал его взгляд, не дрогнув, и отвернулся к окну со стороны Ирины. Кайл вцепился в руль и снова уставился на дорогу.

Ирина опустила связанные руки на колени и тихо выдохнула. Снаружи проплывали тёмные холмы, и где-то далеко, за ними, едва угадывался огонёк — первый живой свет, который она видела за долгое время. Но она не чувствовала облегчения. Потому что внутри, в той точке между рёбрами, которая недавно молчала, что-то шевельнулось. Едва заметно, как дыхание спящего, которого ещё не разбудили, но уже потревожили.

Она знала: молчание заканчивалось.

8)

Кайл первым распахнул дверь джипа и с хриплым вздохом выбрался наружу, разминая плечи. За ним потянулись двое остальных — каждый по-своему стряхивал с себя усталость от долгой тряски: один хлопал себя по бёдрам, другой запрокидывал голову, вдыхая прохладный ночной воздух. Два часа в тесном салоне вымотали всех, и короткая разминка казалась почти роскошью.

Ирина, сидевшая до этого, сжавшись в углу, тоже осторожно высунулась из машины. Ноги затекли, а внутри всё ныло от напряжения и непривычки так долго сидеть без движения. Она покосилась на Кайла и его людей — те, казалось, на секунду забыли про неё, занятые собственными делами, — и тихо пробормотала:

— Мне... нужно отойти.

Пётр, стоявший ближе всех, чуть нахмурился, но кивнул.

— Далеко не пойдём. Тут кусты недалеко, я посвечу.

Он достал фонарик и, не направляя луч прямо на Ирину, повёл им так, чтобы осветить тропу и одновременно не терять её из виду. В темноте свет казался резким, выхватывая из мрака сухие ветки, пучки травы и тёмные провалы между кустами. Ирина шла быстро, стараясь не смотреть по сторонам, будто если не замечать окружающую тьму, та не сможет дотянуться до неё.

Когда они вернулись, Кайл и двое других стояли у машины, о чём-то тихо переговариваясь. Голоса звучали отрывисто, будто спорили, но при виде Ирины все разом замолчали. Кайл бросил на неё короткий, цепкий взгляд, потом перевёл глаза на Петра, словно ожидая от него объяснения, зачем тот вообще её куда-то водил. Пётр лишь чуть заметно пожал плечами, будто говоря: «А что ещё было делать?» — и занял своё место у джипа рядом с Кайлом.

Машина снова тронулась, но теперь ехали не долго. Через несколько минут дорога начала подниматься на пологий холм, и вот тогда впереди открылся город.

Он стоял, будто выстроенный на границе двух миров — между безжизненной пустошью и чем-то, что ещё дышало. Высокую стену, окружавшую город, было видно даже в темноте: массивные блоки, местами потемневшие от времени, тянулись ровной линией, прерываясь лишь там, где виднелись очертания ворот. За стеной поднимались дома — не одинаковые, не похожие на безликие коробки, а разные: где-то старые кирпичные здания с узкими окнами, где-то более новые, с плоскими крышами. И самое главное — в некоторых окнах горел свет. Не везде, конечно, далеко не во всех, но достаточно, чтобы понять: город был живым. Даже ночью в нём теплилась жизнь — тусклые квадраты окон, редкие огоньки фонарей, едва заметное движение где-то вдали.

Ирина прижалась лбом к холодному стеклу, не в силах оторвать взгляд. Сердце забилось быстрее, но уже не от страха, а от странного, почти забытого чувства — надежды. Здесь были люди. Здесь не было полной тишины, которую она успела возненавидеть. Здесь можно было не быть одной.

«Я больше не одна», — пронеслось у неё в голове, и от этой мысли даже холод в груди чуть отступил. Но следом тут же пришла другая: одного города мало. Мало просто приехать и увидеть свет в окнах. Нужно, чтобы эти люди — тот самый штаб, о котором говорил Пётр, — поверили ей. Поверили, что она не та, кого они ищут. Что она не угроза, а просто девушка, которая запуталась и пытается выжить.

Джип замедлился, будто сам чувствовал, что впереди — граница, рубеж, за которым всё изменится.

И в этот момент из кустов, чуть в стороне от дороги, донёсся тихий, едва уловимый звук — не треск сухой ветки и не шорох зверька. Что-то другое. Знакомое. То самое чувство, которое Ирина уже испытывала однажды — возле источника красного света. Будто что-то наблюдало. Будто тьма была не просто темнотой, а чем-то живым, следящим, ждущим.

Она резко обернулась, всматриваясь в темноту, но там ничего не было — только тени и редкие отблески света от фар. Но ощущение не уходило. Оно тянулось за ней, как невидимая нить, связывающая её с тем, от чего она пыталась убежать.

Пётр заметил её движение и нахмурился.

— Что? — коротко спросил он.

Ирина хотела сказать, что ничего, что ей просто показалось, но не смогла. Вместо этого она прошептала, глядя в ту сторону, откуда пришёл звук:

— Там кто-то есть. Или... что-то. Я это чувствую.

9)

Кайл продолжал рулить, и мотор гудел ровно, будто пытался заглушить ту звенящую тишину, которая повисла в салоне. Двое других мужчин тихо сидели, изредка переглядываясь, будто боялись спугнуть хрупкое ощущение безопасности. Ирина и Пётр иногда ловили взгляды друг друга — не для слов, а чтобы просто убедиться: рядом всё ещё есть кто-то живой, кто не смотрит на неё как на угрозу.

Машина резко затормозила, взвизгнув шинами по щебню. Город чувствовался совсем рядом — он будто просачивался сквозь листву, в запахе пыли, в том, как свет становился не лесным, а каким-то иным, городским: более резким, менее естественным. Он был в нескольких минутах за этими деревьями, если только дорога не подведёт.

Кайл бросил руль и выругался, резко хлопнув ладонью по приборной панели. На дороге лежало дерево — толстый, тяжёлый ствол, перегородивший путь. Все удивились: его здесь не было, когда они выезжали несколько часов назад. Даже если бы ветер бушевал всю ночь, никто не заметил бы такого завала, пока не стало слишком поздно.

— Илья, остаёшься с Ириной, — рявкнул Кайл, выходя из машины и хлопая дверью так, что эхо прокатилось между деревьями. — Смотри в оба. Ни на секунду не своди с неё глаз.

Илья, не высокий и молчаливый, кивнул, сжимая в руках автомат. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то вроде неловкости — будто ему не нравилось быть нянькой, даже если от этого зависела чья-то жизнь.

Пока Кайл, Пётр и четвёртый мужчина, которого все называли просто «Серый», пытались сдвинуть ствол, Ирина стояла у машины, прижавшись спиной к тёплому металлу. Она чувствовала, как дрожь ползёт по плечам, и пыталась её унять, стискивая зубы. Илья держался рядом, но не смотрел на неё — скорее на лес, на тени между деревьями, на каждый шорох.

Пётр обратил внимание на то, как сломано дерево. Он рос на ферме и знал, как падают деревья: от ветра, под тяжестью снега, от старости. Это дерево не упало — его сломало что-то очень сильное. Ствол был не расщеплён, а будто перерублен, но не топором и не пилой. На дороге не было никаких следов, кроме мелкой пыли и нескольких сломанных веток, которые могли быть здесь и раньше.

Трое мужчин, напрягая спины и ругаясь сквозь зубы, немного сдвинули дерево. Этого хватало, чтобы проехать, если гнать без остановок и не смотреть по сторонам. Они повернулись к машине. Фары слепили глаза, выбеливая пространство перед капотом, превращая тени в сплошную белёсую пелену. Но даже сквозь этот свет было видно, как за машиной что-то чуть выше человека, тёмное и угловатое, одной рукой держало за голову Илью, а второй — Ирину.

Оно двигалось беззвучно, будто само пространство вокруг него становилось тише. Илья даже не успел вскрикнуть — только глаза расширились на долю секунды, прежде чем его голова оказалась зажата в чудовищной хватке. Ирина почувствовала, как её отрывают от земли, пальцы скользят по холодному металлу двери, а потом мир переворачивается.

Существо бросило Ирину в сторону мужчин. Девушка пролетела несколько метров и упала, прокатившись по щебню и траве. Кайл и Пётр подбежали к ней одновременно, чуть не столкнувшись лбами.

— Ирина! — крикнул Пётр, падая на колени рядом с ней.

Лоб рассекло, на коже выступила кровь, смешиваясь с грязью. Несколько ссадин на лице горели, будто их прижгли раскалённым железом. Рука ныла, и Ирина не могла её пошевелить — не от боли, а от того, что кисти были стянуты пластиковыми хомутами, врезавшимися в кожу.

Пётр не стал тратить время на слова. Он достал нож, лезвие блеснуло в свете фар, и одним резким движением разрезал хомуты. Ирина застонала, когда давление исчезло, и попыталась сесть, опираясь на локоть.

— Не вставай пока, — рявкнул Кайл, оглядываясь по сторонам, но лес оставался таким же тихим, каким был минуту назад. Ни крика, ни шороха, ни тяжёлого дыхания — только ветер шелестел листвой, будто ничего не произошло.

Серый поднял автомат, целясь в темноту, но стрелять не решался. Тени между деревьями казались слишком густыми, слишком живыми.

— Оно исчезло, — прошептал Илья, потирая шею, на которой уже проступали синяки. Голос у него дрожал, хотя он старался этого не показывать. — Я ничего не почувствовал. Ни шагов, ни движения. Просто... оно было там.

Ирина смотрела на свои освобождённые запястья, на кровь, на грязь, и пыталась собрать мысли в кучу. В голове шумело, перед глазами плыли круги, но она помнила главное: это существо не просто напало. Оно знало, где они будут. Оно ждало.

— Нам нельзя здесь оставаться, — прохрипел Кайл, голос его звучал жёстко, но в нём слышалась усталость. — Город рядом. Если мы доберёмся до ворот, у нас будет шанс. Там стены, укрытия, люди... хоть кто-то, кто может помочь.

Пётр помог Ирине подняться, придерживая её за плечи, чтобы она не упала снова. Девушка поморщилась, когда боль в руке вспыхнула ярче, но кивнула.

— Я смогу идти, — пробормотала она, сглатывая горький привкус страха. — Просто... не отпускай.

Они двинулись к машине, стараясь не смотреть в темноту, которая, казалось, смотрела на них в ответ.

10)

Ночь накрыла лес плотной, почти осязаемой тьмой. Фонарики выхватывали из мрака лишь узкие полосы: шершавые стволы деревьев, клочья тумана, ползущие по земле, и острые ветки, будто нарочно тянувшиеся к лицам. Тени плясали, искажались, сливались друг с другом, и от этого казалось, что опасность прячется за каждым стволом.

Кайл и Илья шли впереди, чуть быстрее остальных, словно хотели первыми разорвать эту тишину, доказать себе, что ничего не боятся. Пётр, Серый и Ирина держались чуть позади, стараясь не отставать, но и не наткаться друг на друга в темноте. Фонари метались по деревьям, выхватывая то кору, то сухие листья, то тёмные провалы между стволами — и тут же снова тонули в непроглядной мгле.

Вокруг царил страх — не тот, что кричит и заставляет бежать, а тяжёлый, липкий, оседающий где-то под рёбрами. Он не давал дышать полной грудью, заставлял вздрагивать от каждого шороха, от треска ветки, от собственного дыхания. Даже шаги звучали громче обычного, будто лес специально усиливал каждый звук, чтобы напомнить: здесь они чужие.

Илья резко закричал от боли — звук разорвал тишину, как удар хлыста. Он даже не успел обернуться, не успел поднять оружие. Существо подкралось бесшумно, будто само было частью темноты, и вцепилось ему в голову — крепко, безжалостно, с такой силой, что пальцы существа впились почти до кости.

В этот момент тьма будто отступила на шаг, и существо стало видно отчётливо. Оно возвышалось над людьми, почти два метра ростом, а может, и больше — в неверном свете фонарей пропорции искажались, делали его ещё страшнее. Длинные руки, заметно длиннее человеческих, тянулись к жертве, словно жили отдельно от тела. Мощные мышцы бугрились под густой, жёсткой шерстью, которая покрывала всё тело — тёмной, почти чёрной, с редкими серыми прожилками. На груди виднелась татуировка, спрятанная под клоками шерсти.

Голова существа была самой жуткой деталью — странная, пугающая смесь человека, волка и летучей мыши. Лоб был слишком выпуклым, скулы — острыми, вытянутыми вперёд. Уши, длинные и заострённые, подрагивали, улавливая каждый звук. Глаза горели тусклым золотистым светом, будто внутри них тлел уголь. Из приоткрытой пасти торчали огромные клыки — кривые, острые, покрытые чем-то липким. Ладони и пальцы были неестественно

большими, с длинными когтями, которые сейчас сжимались и разжимались, словно существо наслаждалось моментом.

Илья кричал, но крик быстро оборвался — существо подняло его одной рукой, легко, будто он ничего не весил, и перекусило ему шею. Кровь хлынула фонтаном, горячая, ярко-алая, контрастирующая с тёмной шерстью чудовища. На мгновение всё вокруг будто замерло — даже ветер стих, и только кровь капала на сырую землю.

Существо отшвырнуло тело в сторону леса одним резким движением — так, что оно пролетело несколько метров и с глухим ударом врезалось в толстый ствол дерева. Звук был страшным — тяжёлым, окончательным.

Кайл не ждал ни минуты. Он вскинул оружие и начал стрелять в упор — пули рвали воздух, впивались в тело существа, но оно будто не замечало боли. Лишь шерсть разлеталась клочьями, обнажая тёмную, плотную кожу. Существо даже не дрогнуло — только повернуло голову, и его жёлтые глаза на секунду встретились с глазами Кайла.

А потом длинная лапа взметнулась вперёд и откинула Кайла, как тряпичную куклу. Он пролетел по воздуху и рухнул на землю с глухим стоном. Его рука неестественно вывернулась, повисла плетью — было ясно, что она сломана.

Пётр и Серый не растерялись — они одновременно открыли огонь, целясь в грудь и голову существа. Пули впивались в его тело, заставляя его отступать, пятиться назад, в темноту. Чёрная кровь сочилась из ран, стекала по шерсти, капала на землю, оставляя странные, почти маслянистые пятна. Существо зарывало — звук был низким, вибрирующим, пробирающим до костей, — и, резко развернувшись, растворилось в тени деревьев, оставив после себя только запах гари и железа.

Тишина вернулась мгновенно — такая густая, что в ушах звенело. Несколько секунд никто не двигался, только слышалось тяжёлое дыхание и редкие стоны Кайла.

— Кайл! — Пётр бросился к нему, упал на колени, осторожно, чтобы не задеть сломанную руку. — Держись, слышишь? Держись.

Серый стоял рядом, тяжело дыша, всё ещё сжимая оружие, будто боялся, что существо вернётся в любую секунду.

Ирина застыла на месте, не в силах пошевелиться. Она видела всё — и крик Ильи, и то, как его отбросило, и как Кайл упал. В груди всё сжалось, а в голове крутилась только одна мысль: «Это не может быть правдой». Но запах крови, смешанный с запахом леса, напоминал, что это реальность.

— Ирина, — голос Петра прозвучал твёрдо, но в нём чувствовалась напряжение. — Ты сможешь дойти одна? Иди к машине. Сейчас же. — Крикнул Пётр, не дожидаясь ответа девушки.

Она вздрогнула, будто её толкнули, и медленно, на ватных ногах, пошла вперёд. Машина стояла неподалёку — тёмный силуэт, выделявшийся на фоне леса. Дверца была приоткрыта, будто кто-то уже собирался уезжать.

Пётр прибежал на помощь Ирине, чтобы она смогла забраться внутрь, усадил на заднее сиденье, накинул на плечи куртку — она дрожала, даже не замечая этого.

— Всё будет хорошо, — сказал он, хотя сам не верил в эти слова. — Просто сиди здесь. Не выходи, что бы ни случилось.

Он закрыл дверцу и тут же бросился обратно к Серому — тот пытался поднять Кайла, но одному ему было не справиться. Кайл стонал, его лицо искажалось от боли, а сломанная рука безвольно свисала.

Вместе они подхватили его под плечи и потащили к машине. Каждый шаг давался с трудом — земля была неровной, корни деревьев цеплялись за ноги, а страх подталкивал в спину, заставляя торопиться.

Наконец, они дотащили Кайла до машины, уложили на заднее сиденье рядом с Ириной. Она хотела что-то сказать, спросить, но слова застряли в горле. Вместо этого она просто взяла его за здоровую руку и сжала её, будто пытаясь передать ему хоть немного своего тепла.

Пётр запрыгнул за руль, Серый — на пассажирское сиденье. Мотор взвыл, оживая, и машина рванула вперёд, едва не сбив ветку, нависшую над дорогой. Впереди, совсем близко, виднелось поваленное дерево — оно перегородило путь, но останавливаться было нельзя.

Машина врезалась в ствол, цепляясь бампером, скрежеща металлом по древесине. На секунду показалось, что они застряли, что всё кончено. Но Пётр выжал газ, и машина, содрогаясь всем корпусом, прорвалась вперёд, оставляя за собой щепки и клочья коры. Ветки хлестали по кузову, царапали стёкла, но они ехали — быстро, отчаянно, не оглядываясь назад.

Лес остался позади, а впереди, за деревьями, уже мелькали огни города — тусклые, но такие нужные сейчас, будто маяки в бурю. Машина летела по дороге, подпрыгивая на кочках, и каждый удар отдавался в груди, напоминая, что они ещё живы. Что пока ещё есть шанс.

Глава 2. Новая жизнь.

1)

Джип летел между деревьями, будто сам рвался к спасению — мотор выл, подвеска стонала, принимая на себя удары корней и ям. В свете фар мелькали чёрные стволы, и каждый из них казался когтистой рукой, пытающейся схватить машину. И вдруг лес будто расступился — впереди, пробиваясь сквозь тьму, вспыхнули прожекторы. Ворота. Город.

Стена поднималась над землёй тяжёлой, неприступной линией — выше четырёх метров, из грубого бетона и стальных вставок. Над верхом змеилась колючая проволока: тускло поблескивая, она выглядела не просто преградой, а чем-то живым, насторожённым. Каждые десять метров над стеной вздымались башни — узкие, угловатые, с прорезями бойниц, откуда смотрели в ночь охранники. Прожекторы резали темноту широкими жёлтыми клинками, освещая ров, голую полосу земли и край леса. Ровно пятьдесят метров пустоты между стеной и деревьями — ни куста, ни тени, где можно спрятаться. В этой освещённой мёртвой зоне любой звук разносился далеко, любой шаг отдавался эхом.

Джип резко сбросил скорость, подлетая к воротам, и коротко, требовательно просигналил. Звук ударил по тишине, как выстрел. Но ворота не шелохнулись. Сверху не ответили ни криком ни как-то иначе — только холодный свет и неподвижные силуэты на стене.

Пётр стиснул кулаки. Внутри поднималась горячая волна — смесь страха за Кайла и злости на эти правила, на эту железную дисциплину, которая сейчас могла стоить жизни. Он не стал ждать. Распахнул дверь и выскочил наружу. Холодный воздух хлестнул по лицу, пахло сыростью, металлом и далёкой гарью. Он запрокинул голову и закричал, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не сорвался на визг:

— Это я, Пётр! Кайл ранен! Нам нужна помощь! Откройте!

Эхо прокатилось между стеной и лесом. На миг показалось, что тишина стала ещё гуще, будто сама ночь прислушивалась. Потом наверху зашевелились. Кто-то склонился через парапет, всматриваясь. Прожектор скользнул вниз, на секунду ослепив Петра, и тут же ушёл в сторону.

— Кто с тобой? — крикнули сверху, голос был жёстким, без намёка на сочувствие.

— Свои! — рявкнул Пётр, теряя терпение. — Я, Кайл, Серый и девушка. Кайл тяжело ранен! Откройте, ради всего святого!

Ворота чуть дрогнули и приоткрылись — всего на полметра, ровно настолько, чтобы можно было разглядеть щель между стальными листами. Из темноты тут же выскочили с десятков охранников в такой же форме, что и Пётр, — тёмно-серой, плотной, с нашивками и бронежилетами. За спинами у них поблёскивали автоматы, а на ремнях за спиной висели мечи — не для красоты, а для дела: тяжёлые, с зазубринами на лезвиях, будто ими не раз рубили что-то твёрдое.

Один из них, высокий, с короткой стрижкой и шрамом над бровью, шагнул вперёд и резко кивнул Петру:

— Узнаю тебя. Но слова мало. Покажи раненного.

Двое охранников тут же метнулись к джипу, двигаясь быстро, но без суеты — привычно, как те, кто каждый день ждёт нападения. Они осмотрели машину снаружи, потом один из них заглянул внутрь, скользнув взглядом по лицам. Его глаза задержались на Кайле: тот сидел, привалившись к двери, бледный, с зажатой рукой, из-под пальцев сочилась кровь. На девушке взгляд охранника задержался чуть дольше: ссадины на лице, рваная одежда, тёмные круги под глазами, будто она не спала несколько суток. Он коротко кивнул напарнику.

— Всё чисто, — проговорил тот, выпрямляясь. — Это свои.

Ворота с тяжёлым скрежетом начали открываться, медленно, будто нехотя, и в этот момент Пётр почувствовал, как напряжение, сжимавшее грудь, чуть ослабло. Но только на секунду.

— В машине девушка, — крикнул один из охранников, указывая внутрь. — Вся в ссадинах.

Высокий, тот, что был явно старше по званию, нахмурился и повернулся к Петру:

— Докладывай. Что произошло?

Пётр дёрнул плечом, пытаясь унять дрожь в голосе:

— Давайте сначала внутрь. Кайл теряет кровь.

Но командир даже не шелохнулся. Его взгляд был твёрдым, как сталь ворот:

— Сначала доклад. Здесь. Сейчас.

Внутри у Петра вспыхнул гнев — горячий, горький, как пепел. Он сжал зубы, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Нашли её в Брянске, — выпалил он, глядя прямо в глаза командиру. — Проверили. Она человек. Никаких признаков мутаций. А потом на нас напало существо. Илья мёртв. Кайл и девушка ранены. Нам нужна медпомощь, а не допрос!

Командир на секунду замер, будто взвешивая каждое слово, потом коротко махнул рукой:

— Пропустить машину. И закройте ворота. Живо!

Джип вкатился внутрь, колёса глухо простучали по въезду, и ворота с лязгом сомкнулись за ними, отрезая лес, ночь и всё, что осталось снаружи. Прожекторы погасли один за другим, и теперь свет шёл только от фонарей на стенах и от фар машины, которые ещё не успели выключить.

Внутри было не так темно, как снаружи. Город жил даже ночью: горели редкие фонари, в окнах домов мерцал тусклый свет, и где-то вдалеке слышался гул генератора. Но сейчас всё внимание было приковано к джипу. К нему уже бежали медики в белых накидках поверх формы, с сумками и носилками. Один из них распахнул дверь со стороны Кайла, другой склонился над девушкой, быстро, но бережно проверяя пульс.

Пётр наконец выдохнул, чувствуя, как ноги становятся ватными. Он хотел было шагнуть к медикам, но командир, не отпуская его взглядом, положил тяжёлую руку ему на плечо:

— Ты ещё не закончил. Рассказывай всё. С самого начала.

И Пётр, глядя, как уносят Кайла и как девушка, уже внутри безопасной стены, всё ещё вздрагивает от каждого резкого звука, начал говорить. Слова лились тяжело, как кровь из раны, но теперь он знал: они добрались. Они внутри. А значит в безопасности.

2)

Ирина лежала на кушетке, чувствуя, как под тонкой тканью больничной рубашки саднят обработанные раны. В голове всё ещё гудело от грохота выстрелов, от воя монстра, от резкого скрежета тормозов у ворот города. Но сейчас вокруг стояла другая тишина — не та, к которой она привыкла за годы одиночества, а напряжённая, будто наполненная сотней чужих взглядов и неслышных шагов.

Она скосила глаза на свои запястья: пластиковые хомуты плотно стягивали кожу, вреза-ясь в ссадины. Военный, который их надел, даже не посмотрел на неё — просто буркнул про приказ и безопасность, развернулся и сел за стол, щёлкнув ручкой. Теперь он что-то быстро записывал, время от времени поглядывая на Ирину так, словно она была не человеком, а строчкой в отчёте.

В палату вошли двое: невысокий старик в белом халате, чьи руки заметно дрожали, и мужчина в строгом костюме. Доктор — Сергей Александрович — подошёл к ней осторожно, будто боялся спугнуть, и принялся снова осматривать повязки, бормоча себе под нос что-то про кровопотерю и шок. Человек в костюме — Артур Павлович, глава города — сел напротив,

сложив руки на коленях. Его поза была спокойной, почти расслабленной, но взгляд оставался острым, цепким.

— Меня зовут Артур Павлович. Я глава этого города. А этот милый старый дедушка наш врач, Сергей Александрович. Вы помните, что было до того, как вас нашли те люди в детстве? — спросил Артур Павлович, не повышая голоса.

Ирина покачала головой. Она поняла, что Пётр рассказал всё, что услышал от неё до этого.

— Ничего. Только их лица. Как они учили меня разжигать костёр, как отец показывал, где искать съедобные грибы, а мать шила мне платье из старого одеяла... А потом они просто стали стареть быстрее, чем я. И в какой-то момент я поняла, что для них прошли десятилетия, а для меня — будто несколько лет.

Для Ирины эти слова не казались странными. Она не понимала, как устроен мир. Артур Павлович чуть наклонил голову, будто взвешивая каждое слово.

— А существо, которое напало на вас сегодня... Вы раньше его видели?

— Нет, — твёрдо ответила Ирина. — Никогда. Я думала, что кроме меня и тех, кто меня вырастил, в мире никого не осталось. Мои родители всегда уходили от вопросов о других людях. А я сама не рвалась наружу из города. А потом появился Кайл, потом стрельба, потом этот монстр... И теперь вы.

Военный за столом хмыкнул, но тут же снова уткнулся в блокнот. Сергей Александрович тихо вздохнул и отошёл к раковине, чтобы сполоснуть руки. Капли воды звонко ударялись о металл, и этот звук казался здесь почти неуместным — слишком обычным для такого странного разговора.

— Новый Орёл — это не просто город, — продолжил Артур Павлович, будто отвечая на невысказанный вопрос. — Это убежище. Мы построили его, когда поняли, что старый Орёл уже не спасти. Там теперь руины, заросшие лесом, полные теней и воспоминаний. Мы уехали, чтобы выжить. И каждый, кто приходит к нам, должен рассказать свою историю. Не для того, чтобы обвинить, а чтобы понять: не принесёт ли он с собой ту же беду, что разрушила старый город.

Ирина сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как пластик хомутов впивается в кожу.

— Я никого не ранила, — прошептала она. — Я просто пыталась выжить. Это ваши солдаты похитили меня.

Артур Павлович кивнул, но в его глазах не было ни сочувствия, ни доверия — только усталость человека, который слишком долго принимал тяжёлые решения.

— Мы верим, что вы не ранили никого, — спокойно сказал он. — Но этого недостаточно. Нам нужно знать всё. Даже то, что кажется вам мелочью. Запах, тень, странный звук, обрывок воспоминания — всё, что может помочь нам понять, откуда пришли эти существа. И почему они шли именно за вами.

За окном послышался отдалённый гул — будто где-то вдалеке снова заработала техника. Ирина вздрогнула, но тут же заставила себя выпрямиться. Она посмотрела прямо на Артура Павловича, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Я расскажу всё, что помню, — сказала она. — Но сначала... можно ослабить эти хомуты? Я не собираюсь никуда бежать. Здесь впервые за долгое время я чувствую, что не одна.

Ирина понимала, что враньём она загонит себя в угол. И решила, что остановится на обмане с вымышленными родителями. Почему-то ей хотелось все рассказать про свои способности этому человеку. Он внушает ей доверие. И возможно сможет помочь разобраться в том, кто же она на самом деле.

Артур Павлович помолчал несколько секунд, потом медленно кивнул. Военный неохотно поднялся, подошёл к ней и, не глядя в глаза, чуть ослабил застёжки. Ирина тихо выдохнула, потёрла запястья и снова посмотрела на главу города.

— Начну с самого начала, — сказала она, собираясь с мыслями. — С того дня, когда я впервые поняла, что со мной что-то не так... Мои силы... Они то появлялись, то исчезали. И мои родители. У меня их никогда не было...

— Стой.

Артур Павлович жестом показал доктору и сидевшему позади военному, чтобы они вышли. Он тоже вышел за ними.

Ирина сидела на жёсткой кушетке, теребя край больничной рубашки. Артур Павлович вернулся в кабинет, прикрыл за собой дверь и сел напротив, положив перед собой тонкую папку. Он не спешил записывать — просто смотрел внимательно, чуть склонив голову, будто пытался уловить не слова, а то, что пряталось между ними.

— Значит, силы появляются и исчезают, — спокойно произнёс он, постукивая кончиком ручки по столу. — Не по команде. Не по желанию. Так?

Ирина кивнула, сглотнула. Ей хотелось, чтобы он сразу поверил, но в его взгляде не было ни доверия, ни недоверия — только ожидание.

— Да. Иногда я могу... поднять что-то тяжёлое, понимая, что это не нормально. Или пробежать быстрее, чем обычно. А потом будто кто-то выключает это внутри. И я снова обычная.

Артур Павлович чуть наклонился вперёд.

— «Быстрее, чем должна бы» — это насколько? Расскажи конкретно. Не общими словами.

Она на секунду закрыла глаза, будто возвращаясь в тот момент.

— Однажды я убегала от... чего-то. Не помню, от кого, но страх был настоящий. Я перепрыгнула через забор, который выше меня почти в два раза. И не устала. А через пять минут не смогла даже ящик с инструментами сдвинуть. Он был тяжёлый, но не настолько.

Доктор помолчал, потом спросил тише:

— А когда силы есть — ты чувствуешь это? Есть какой-то сигнал? Холод, жар, звон в ушах?

— Нет. Ничего такого. Просто вдруг понимаешь: я могу. А потом — не могу. И всё.

Он откинулся на спинку стула, задумчиво потёр переносицу.

— Ты говоришь, разница была заметна и с родителями. Сравнивала. Но сейчас ты сказала, что их никогда не было.

Ирина вздрогнула, будто её ударили. Она не ожидала, что он зацепится именно за это.

— Я... оговорила, — прошептала она, опуская глаза.

— Не думаю, — мягко, но твёрдо ответил Артур Павлович. — Ты очень аккуратно подбираешь слова. Слишком аккуратно для оговорок. Давай честно. Родителей не было?

Она сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Молчание тянулось, и в нём становилось всё громче её собственное дыхание. Она не понимала своих чувств, ведь в самом начале разговора с главой, она решила больше не врать ему. Наконец она подняла взгляд.

— Их никогда не было. Я проснулась в центре города. Одна. Без одежды. Без памяти. Только ощущение, что я... не такая, как все.

Глава города не отвёл глаз. Не вскочил, не потянулся к кнопке вызова охраны, не стал кричать. Просто слушал.

— И сколько времени прошло с того момента?

— Не знаю. Дни сливаются. Иногда кажется, что это было вчера. А иногда — будто сто лет назад. Но я не старею. Я смотрю на себя в зеркало и вижу то же лицо.

Артур Павлович медленно кивнул, будто складывая кусочки мозаики.

— Ты боишься своих сил?

Ирина помолчала, потом покачала головой:

— Боюсь не сил. Боюсь того, что они значат. Если я не такая, как все... значит, я опасна. Для других. Для себя.

Глава встал, подошёл к окну, посмотрел на тусклый свет фонарей за стеклом. Потом повернулся к ней.

— Опасность — это не только сила. Опасность — когда не понимаешь, как ею управлять. Ты не знаешь, откуда ты. Не знаешь, почему так происходит. Это пугает. Но незнание — не приговор. Мы можем попробовать разобраться. Шаг за шагом.

— Зачем? — тихо спросила Ирина. — Зачем вам это?

Он снова сел напротив, посмотрел ей прямо в глаза.

— Потому что если ты не одна такая, если это не случайность, то важно понять, что с тобой происходит. А если одна — тем более. Никто не должен просыпаться посреди города без прошлого. Никто не должен бояться самого себя.

Ирина медленно выдохнула, будто с этого выдоха с неё упало что-то тяжёлое.

— Хорошо, — сказала она. — Я расскажу всё, что помню. Даже если это звучит как бред.

Артур Павлович достал из ящика чистый лист, положил перед собой, взял ручку.

— Начнём с самого начала. С того дня, когда ты проснулась. Расскажи всё. Каждую мелочь. Даже ту, которая кажется неважной.

И Ирина заговорила. Сначала сбивчиво, потом всё ровнее, вытаскивая из памяти обрывки: холодный асфальт под босыми ногами, резкий запах дождя, тени в переулках, которые двигались не так, как должны были. Артур Павлович слушал, не перебивая, записывая только отдельные слова — те, что звенели особенно громко.

Когда она замолчала, в кабинете повисла тишина, густая и спокойная. Глава отложил ручку и мягко улыбнулся — не радостно, а так, будто хотел показать: ты не одна.

— Спасибо, — сказал он. — Это уже много. Теперь мы будем двигаться оттуда, где всё началось. И будем искать ответы. Обещаю.

Ирина впервые за долгое время почувствовала, что ей почти хочется верить этому обещанию.

— Я надеюсь, ты ничего не рассказывала Петру или кому-то ещё из парней?

— Нет. Только Вам.

— Хорошо. Пока что о тебе будет знать узкий круг лиц. Я уверен, ты понимаешь почему. А сейчас отдыхай.

Ирина одобритительно кивнула и подняла связанные руки вверх, намекая на освобождение от уз.

- Я пришлю Петра развязать тебя. Он хочет увидиться.

3)

Ирина сидела в тесной, но неожиданно уютной палате — стены были выкрашены в бледно-бежевый, на тумбочке стояла кружка с остывшим чаем, а из коридора доносились приглушённые голоса и ритмичный шаг сапог по бетонному полу. Она всё время ловила себя на том, что прислушивается: не прозвучит ли знакомый тяжёлый голос Кайла, не раздастся ли его уже привычное ворчание. Но тишина была ровной, будто город специально старался её не тревожить.

Дверь скрипнула, и на пороге появился Пётр — улыбка у него была лёгкая, будто он нарочно хотел показать, что всё под контролем. Он шагнул внутрь, прикрыл за собой дверь и присел на край стула у кровати.

— Ну что, как ты? Дышишь, смотришь, думаешь — уже хорошо, — сказал он, чуть наклонив голову. — В таких местах главное — не потерять способность удивляться, что ты вообще жива.

Ирина слабо улыбнулась в ответ, но пальцы её невольно сжались в складки одеяла.

— Спасибо, — тихо ответила она. — Я в порядке. Просто... голова всё ещё гудит, будто там кто-то стучит изнутри.

Пётр достал нож из кармана своих штанов и разрезал хомуты. Они перекинулись парой ничего не значащих фраз: про сон, про еду, про то, что в городе «не так уж плохо, если привыкнуть». Но Ирина не могла удержаться. Её мысли крутились вокруг того, что она видела — и что никто, кажется, не видел вместе с ней.

— А Кайл? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Как он?

Пётр кивнул, будто ждал этого вопроса.

— С ним всё нормально. Гипс наложили, руку зафиксировали. Будет ворчать, конечно, но это даже к лучшему — значит, в себе.

Девушка прикипела ко всем четверым, кто вез её в машине. Илью убили. Серый всегда молчал и не так сильно волновал её, как Кайл и Пётр. Ира чуть расслабилась, но тут же снова напряглась.

— А этот красный свет... — начала она, подбирая слова. — Он ведь озарял половину города. Я думала, вы все его видели. Он был такой яркий, будто небо раскололось.

Пётр нахмурился, и улыбка сползла с его лица.

— Прости, Ирина, я не понимаю, о чём ты говоришь. Никакого красного света я не видел. Только пыль, руины и тени.

Она уставилась на него, пытаясь понять: он притворяется или правда не знает?

— Как не видел? — голос её дрогнул. — Он был повсюду. Даже дышать становилось тяжело, будто воздух раскалился.

— Я ничего не видел, — повторил Пётр, теперь уже серьёзно. — Ни света, ни вспышек. Только то, что было перед глазами.

Ирина откинулась на подушку, чувствуя, как внутри поднимается холодная волна сомнения. Может, она сошла с ума? Или это было только в её голове? Но нет — она помнила каждую секунду: как свет полз по стенам, как от него темнели кирпичи, как он будто тянулся к ней.

— А тот ящик? — вдруг выпалила она, хватаясь за другую ниточку. — Металлический, тяжёлый, с какими-то символами... Разве он не ваш?

Пётр помотал головой.

— Какой ящик, Ирина? Мы ничего такого не находили. Да и не искали.

Она закусил губу. Всё, что казалось ей доказательством, рассыпалось в воздухе.

— Тогда как вы меня нашли? — спросила она уже тише, почти шёпотом. — В том заброшенном городе... Там не было никого. Только я и... этот свет.

Пётр на секунду замер, будто взвешивая, сколько можно рассказать. Потом чуть подался вперёд, опершись локтями о колени.

— Нас направляют в такие города, — начал он. — Туда, где давно никто не живёт. Мы ищем людей. Тех, кто смог выжить. Иногда находим пустые дома, иногда — следы, которые ведут в никуда. А иногда... находим тех, кто не должен был выжить.

Он сделал паузу, будто подбирая слова, чтобы не напугать её.

— И в том городе мы наткнулись на тебя. Ты сидела у стены, вся в пыли, смотрела прямо перед собой. И знаешь, что было самым странным? Ты не кричала. Не просила помощи. Просто смотрела. Как будто ждала кого-то. Или чего-то. Потом ты побежала. Тут мы и решили тебя вырубить. Поверь, так проще.

Ирина слушала, и в груди у неё становилось тесно. Она помнила только обрывки: холод бетона, запах ржавчины, тяжесть в груди, будто её придавило чем-то невидимым. Но не помнила, как она туда попала. Не помнила, кто её вырубил.

— Вы ищете девушку, — тихо сказала она, вспоминая слова Кайла. — Особенную.

Пётр чуть прищурился, словно пытаясь прочесть её мысли.

— Да, — ответил он, не отводя взгляда. — Ищем. Я не вникаю в дела главы. Он ставит задачу, мы выполняем.

В палате повисла тишина, густая и неловкая. Ирина смотрела на Петра и пыталась понять: он защищает её или просто не доверяет? А может, и то, и другое. Пётр не мог сказать Ирине правду про ящик с красным светом, который приманивает людей своим необычным свечением. Таков приказ Артура Павловича и Пётр не мог послушаться. Она даже не заметила, как этот ящик нес именно он. Пётр решил сменить тему.

— Ты ведь что-то помнишь из детства, — вдруг сказал он мягче. — Не всё, но что-то. И это что-то тебя пугает.

Она хотела солгать, сказать, что ничего не помнит. Но слова застряли в горле. Вместо этого она кивнула, едва заметно.

— Помню свет, — прошептала она. — И помню, что он был не просто светом. Он... звал меня. Или приказывал. Я не знаю. А затем меня нашли родители.

— Хорошо, — сказал Пётр. — Если будешь готова рассказать — я здесь. А пока... давай просто посидим. Пусть город шумит за стенами, а здесь будет тихо.

И в этой тишине, среди запаха лекарств и далёких шагов по коридору, Ирина вновь почувствовала, что, возможно, она не одна. И что, может быть, кто-то наконец готов её услышать — даже если не верит в красный свет.

Пётр задержал взгляд на девушке чуть дольше, чем следовало бы, — в этой редкой тишине всё казалось иным: и её усталость, и эта упрямая жилка, что билась на виске, и даже грязь, въевшаяся в кожу, не могла скрыть её внутренней собранности. Она была ниже его, хрупкой на вид, но в осанке сквозила та самая упругость, что бывает у людей, привыкших выживать. Длинные волосы рассыпались по плечам тяжёлыми спутанными прядями, и в них, несмотря на дорожную пыль, ещё угадывался прежний блеск — будто отголосок другой, спокойной жизни.

А лицо... Лицо у неё было такое, что хотелось всмотреться, чтобы ничего не упустить. Тонкие, чуть изогнутые брови придавали взгляду то ли настороженность, то ли упрямую решимость. Глаза — тёмные, почти чёрные, с той самой глубиной, в которой тонут лишние слова; они смотрели прямо, без кокетства, будто она привыкла считывать опасность раньше, чем та успевает проявиться. Нос прямой, аккуратный, а скулы очерчены так, что даже в усталости в них чувствовалась стать. Губы, хоть и пересохшие, хранили форму — мягкую, но не слабую, будто даже сейчас, измученная, она не позволяла себе раскиснуть. Кожа была бледной, но не болезненно, а как у человека, слишком долго жившего в полумраке, и на щеке темнел свежий, едва заметный шрам — тонкая линия, которая только добавляла лицу истории.

Пётр тряхнул головой, отгоняя неуместную заворожённость, и решил нарушить тишину:

— А ты как справлялась с заражёнными?

Ирина нахмурилась, будто пыталась поймать смысл в знакомом, но чужом слове.

— С кем?

Пётр чуть наклонил голову, вглядываясь в её лицо уже не с любопытством, а с тревогой:

— Ну, заражённые. Ты что, их не видела?

Она покачала головой, и в этом движении было столько искреннего непонимания, что у Петра внутри что-то дрогнуло.

— Ни разу, — тихо сказала Ирина. — В том городе я вообще никого не встречала, кроме зверей... и своих уже мёртвых родителей.

Она произнесла это просто, без надрыва, словно эти слова давно стали частью её реальности, и оттого они прозвучали ещё тяжелее.

В этот момент дверь скрипнула, и в палату вошёл старый доктор — сутулый, с усталыми, но цепкими глазами. Он окинул взглядом обоих и твёрдо произнёс:

— Пётр, выйдите, пожалуйста. Девушке нужно помыться и переодеться. Пусть хоть немного почувствует себя человеком, а не беженкой с дороги.

Пётр помедлил, будто хотел ещё что-то сказать, но лишь коротко кивнул, бросил на Ирину быстрый взгляд — будто хотел убедиться, что она здесь, настоящая, а не видение, — и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

4)

Ирина провела ладонью по мягкой ткани футболки — красная, без рисунков, сидела свободно, но приятно. Белые штаны тоже оказались впору, не жали, не сковывали движений. Впервые за долгое время на ней была чистая одежда, и от этого становилось чуть спокойнее, будто сама реальность становилась чуть более нормальной. Только что девушка отмыла всю грязь с себя и чувствовала, что теперь она точно в безопасности.

Медсестра улыбалась, говорила что-то про «нужно отдыхать», а военный всё так же молча шёл рядом, время от времени щёлкая ручкой и делая короткие записи в блокноте. Его сосредоточенность казалась почти равнодушной, но в то же время в ней чувствовалась какая-то надёжность: он фиксировал всё, ничего не упускал.

Когда дверь палаты тихо закрылась, тишина накрыла Ирину сразу, будто плотным одеялом. До этого дня тишина была для неё чем-то пугающим и неизвестным. Столько лет она провела в одиночестве. А теперь тишина была другой: безопасной, уставшей.

Она опустила на кушетку, не спеша, будто боялась спугнуть это редкое ощущение покоя. И тут же мысли понеслись, обгоняя друг друга, как кадры из старого фильма. Перед глазами вставал Пётр — как он шагнул вперёд, загораживая её собой, как в его голосе не было ни капли сомнения, только твёрдость. Он был как тёплый свет в тёмной комнате: понятный, ясный, от него хотелось придвинуться ближе.

А потом всплывал Кайл — его резкие движения, голос, который звучал как приказ, даже если он просто что-то объяснял своим друзьям. В нём не было мягкости, зато была сила, жёсткая и непримиримая. И именно эта отрешённость, эта способность не дрогнуть ни на секунду, почему-то цепляла. Ирина не могла объяснить себе, почему он ей нравится. Может, потому что в нём чувствовалась правда, без прикрас. Или потому что он не пытался её жалеть, а воспринимал как равную.

Странное, незнакомое тепло разливалось где-то внизу живота, смешиваясь с усталостью. Это были новые чувства, непривычные, и от них становилось немного не по себе — будто она стояла на краю чего-то важного и не знала, стоит ли делать шаг вперёд.

Мысли кружились, цеплялись друг за друга, и постепенно их ритм стал тише, ровнее. Веки потяжелели, дыхание замедлилось. Ирина подтянула к себе тонкое одеяло, уткнулась носом в подушку и наконец позволила себе отпустить все вопросы, которые весь день стучали в висках.

День, такой длинный и тяжёлый, подходил к концу. И впервые за долгое время она засыпала не в страхе, а просто от усталости — и это само по себе было маленьким чудом.

5)

Кабинет Артура Павловича выглядел так, будто принадлежал не главе города, а министру в столице — сдержанно-роскошный, строгий, но с налётом старинной важности.

Красные стены были не кричащими, а глубокими, винного оттенка, и казались почти бархатными из-за матовой фактуры. По ним ровными рядами шли картины в тяжёлых тёмных рамках: портреты прежних глав, групповые снимки военных отрядов, пейзажи окрестностей, где лес уже наступал на поля, а город ещё держался. Над массивным столом висел герб Нового Орла — орёл с мечом и щитом, крылья широко раскинуты, будто вот-вот взлетит.

Сам стол был из тёмного дуба, тяжёлый, с резными ножками, на столешнице — ничего лишнего: папка с бумагами, чернильница, латунная лампа с зелёным абажуром. Слева от стола стоял высокий шкаф из того же дерева, с застеклёнными секциями, где за стеклом виднелись папки, книги по тактике и несколько наград. Справа — ещё один шкаф, закрытый, с бронзовыми накладками и едва заметным замком.

У окна стояли два глубоких кресла с высокой спинкой, обитые тёмно-коричневой кожей; между ними — низкий столик, на котором теперь Артур Павлович расставил четыре бокала и бутылку. Окно было большим, в пол, с толстыми стёклами и металлическими переплётами, как в старых административных зданиях; тяжёлые портьеры цвета тёмного бордо были чуть раздвинуты, впуская утренний свет, который ложился на пол широкими полосами.

На стене рядом с дверью висели два меча в ножнах — не как декор, а как напоминание: рукояти слегка потёрты, металл тусклый, но надёжный. Под ними на небольшой полке лежала стопка отчётов и старый компас в латунном корпусе. В углу, почти незаметно, стояла напольная ваза с сухими ветками, придавая комнате не парадную, а обжитую строгость.

Артур Павлович подошёл к закрытому шкафу, легко открыл его — ключ был у него на шее — и достал четыре бокала из тонкого стекла, каждый с гравировкой у основания, и бутылку в простой оплётке, без этикетки. Подарок, найденный в заброшенном городе, выглядел скромно, но в этом кабинете любая вещь казалась частью большой истории.

Он расставил бокалы, плеснул немного напитка, подождал, пока мужчины возьмут, и только потом заговорил снова. Его голос звучал ровно, но в нём чувствовалась тяжесть решения, которое он уже принял до их прихода.

— Почему мы раньше не натыкались на Ирину? — спросил он, глядя не на кого-то одного, а будто на всех сразу, проверяя реакцию.

Кайл ответил быстро, привычно беря на себя роль того, кто формулирует неудобное:

— Возможно, дело случая. А возможно, она обманывает и просто пряталась от нас.

Пётр молча кивнул — не потому, что соглашался со всем, а потому, что понимал: сейчас важно не спорить, а собрать факты. Серый не произнёс ни слова; он стоял чуть в стороне, руки по швам, взгляд прямой, будто уже мысленно составлял маршрут до столицы.

Когда Пётр снова начал описывать существо, убившее Илью, Артур Павлович слушал, не перебивая, только пальцы сжимались и разжимались, будто он пытался удержать в памяти каждую деталь. Когда Пётр закончил, глава города резко ударил кулаком по столу — звук получился глухим, но тяжёлым, как приговор.

— Значит, все эти легенды — правда, — произнёс он, глядя куда-то сквозь картины, будто видел не кабинет, а старые битвы. — Я уже было хотел отменить носить эти мечи за вашими спинами. А тут эти существа. Наши предки называли их «оборотни». Значит, и мы будем.

Он отошёл к мечам, стоявшим за его креслом, провёл ладонью по ножнам, словно проверяя, не стали ли они легче за эти годы, и снова повернулся к мужчинам.

— Надо снова открывать школы по битве с мечом, — сказал он уже спокойнее, но от этого его слова звучали ещё твёрже. — Серый, ты поедешь в столицу и всё доложишь, как мы проговаривали ранее. Возьми с собой пару людей. Пётр, ты лучший мечник нашего города. Ты и научишь людей им пользоваться. Кайл, ты восстанавливайся.

Он сделал паузу, давая каждому осознать свои задачи, и добавил самое важное — то, что должно было остаться в памяти, как инструкция на случай, если всё пойдёт не по плану:

— Я напомню вам, что этих оборотней можно убить, отрезав голову или разорвав взрывом. Всё остальное бесполезно и просто их замедлит или ещё страшнее разозлит.

Трое военных дослушали главу и вышли из кабинета. Дверь закрылась за ними с мягким, но уверенным щелчком, и в коридоре стало тише, чем было внутри. Каждый из них нёс с собой не только приказ, но и тяжесть того, что теперь всё изменилось — и город, и их роли, и даже оружие, которое раньше казалось пережитком прошлого, снова стало необходимостью. Следом за ними в кабинет зашёл командир охраны ворот, Артур Павлович хочет усилить укрепления и выслушать доклад о прошедшем дне.

б)

Ирина сидела на жёстком стуле в небольшой комнате без окон — её теперь называли «учебной». Перед ней на столе лежала стопка фотографий, а напротив устроился тот самый военный с блокнотом — он каждый раз молча фиксировал её реакцию. На снимках были города. Не те, что она видела сейчас — обнесённые стенами, с башнями и прожекторами, а прежние: широкие проспекты, стеклянные фасады, мосты, уходящие в туман. И на каждом фото — следы разрушения: разбитые витрины, обгоревшие машины, тени тел, едва заметные в пыли.

— Это был Екатеринбург, — сказал военный, не поднимая глаз от записей. — Три года после вспышки. Сначала люди просто болели. Потом перестали узнавать родных. Потом начали нападать.

Ирина провела пальцем по краю снимка. Ей казалось странным, что на фото всё такое... обычное. Как будто беда пришла не снаружи, а изнутри, и город просто не успел понять, что уже погиб.

Дальше шли снимки Москвы. Не той, что осталась столицей, а той, какой она была до карантина. На одном — Красная площадь, пустая и слишком тихая. На другом — колонны людей у вокзалов, чемоданы, дети в куртках не по сезону. Ещё дальше — кадры уже из новых времён: стены, колючая проволока, сторожевые вышки, первые укрепления.

Военный переворачивал фотографии одну за другой, коротко называя города: Новосибирск, Казань, Ростов, Пермь. Каждый — как отдельная история про то, как быстро рушится привычный мир.

— Вирус не убивал сразу, — объяснил он наконец, будто читая её мысли. — Он менял поведение. Желание причинять боль становилось сильнее страха, сильнее любви, сильнее инстинкта самосохранения. Люди переставали быть людьми. И тогда пришлось уходить. Оставлять дома, улицы, целые районы. Строить заново там, где можно было держать оборону.

Ирина слушала и пыталась представить, каково это — понимать, что твой город больше не твой. Что нельзя вернуться домой, потому что дома больше нет.

— Сколько времени это заняло? — спросила она, когда фотографии кончились.

— Несколько сотен лет, — ответил военный. — Не сразу, не в один год. Были волны заражений, были попытки вернуть старые города, были новые вспышки. И каждый раз приходилось начинать чуть дальше, чуть осторожнее. Сейчас стран осталось тридцать. В каждой — не больше десяти городов. Полмиллиона жителей в каждом. Не густо для целой страны. Но достаточно, чтобы выжить.

— А Москва? — тихо спросила Ирина.

— Москва осталась столицей. Не потому, что самая большая, а потому, что первая выстроила систему. Карантины, проверки, протоколы. И потому, что в ней сохранили знания. Вся история — в библиотеках. Не на серверах, не на дисках. На бумаге. Чтобы, если снова пропадёт электричество, мы не забыли, как всё было. Ирина даже не принимала, что такое сервер или диск.

Ирина посмотрела на пустую стену напротив. Ей вдруг стало не по себе от мысли, что где-то лежат тысячи страниц, исписанных людьми, которые видели, как рушится мир. И что теперь эти страницы — единственное, что удерживает новый мир от повторения старой ошибки.

Вечером её снова вывели на полигон, который находился в стенах города. Там, где земля была утоптана тысячами шагов, а по периметру стояли наблюдатели с планшетами и секундомерами. Военный с блокнотом шёл рядом, не отставая ни на шаг.

— Сегодня попробуем снова, — сказал он, указывая на линию старта. — Беги до того валуна и обратно. Постарайся не думать. Просто беги.

Ирина встала на линию. Ветер шевелил волосы, пахло пылью и металлом. Она закрыла глаза на секунду, пытаясь поймать то странное чувство, которое уже пару раз приходило к ней: будто внутри что-то натягивается, как струна, и мир вокруг чуть-чуть замедляется. Но сегодня

струна не звенела. Всё оставалось обычным: земля твёрдой, воздух прохладным, расстояние до валуна — слишком большим.

Она рванула вперёд. Сначала медленно, потом быстрее, чувствуя, как мышцы отзываются на усилие. И вдруг — тот самый миг. Мир будто дрогнул. Валун приблизился неестественно быстро, земля мелькнула под ногами, ветер стал резче. Она обогнула камень и помчалась обратно, слыша, как военный позади выругался от неожиданности.

Когда Ирина остановилась, он стоял с раскрытым блокнотом и смотрел на неё так, будто увидел что-то невозможное.

— Ты... ты пробежала быстрее меня, — проговорил он наконец. — В два раза быстрее.

Ирина тяжело дышала, но улыбалась. Ей было приятно, что хоть что-то в этом новом мире она может делать лучше других.

Потом они перешли к другому испытанию — подъёму тяжестей. На площадке лежали валуны: серые, неровные, тяжёлые. Один из них был явно тяжелее неё самой.

— Попробуй поднять этот, — сказал военный, указывая на самый большой. — Не спеши. Почувствуй вес. И если сможешь — подними.

Ирина обхватила камень руками. Он был холодным и шершавым. Сначала она просто держала его, привыкая к тяжести. Потом напряглась, стараясь не думать о том, что это невозможно. И вдруг тяжесть будто стала меньше. Камень оторвался от земли, поднялся на уровень груди, потом чуть выше. Она держала его несколько секунд, чувствуя, как по спине течёт пот, а в груди бьётся сердце. Потом аккуратно опустила.

Наблюдатели что-то быстро записывали. Военный снова щёлкал ручкой, делая пометки.

— Неплохо, — произнёс он, хотя в голосе слышалось удивление. — Очень неплохо.

По дороге обратно Ирина молчала. Ей было странно осознавать, что её тело умеет то, чего она сама не понимает. И ещё страннее было думать, что за каждым её движением следят, записывают, анализируют.

Уже в палате, когда за окном стемнело, она села на кушетку и закрыла лицо руками. В голове крутились фотографии городов, слова про вирус, про оставленные дома, про тридцать стран и десять городов в каждой. И одна мысль не давала покоя: если заражённые до сих пор бродят по миру, почему она их не встречала? Почему, пока они мчались к Новому Орлу, по лесу не было ни одного следа? Почему существо, схватившее Илью, было единственным, кого они видели? И почему ей ничего не рассказали про это существо?

И ещё одна мысль, тихая и настойчивая: если она может бегать быстрее военного и поднимать валуны, значит, она не такая, как все. А если не такая — то кто она? И откуда у неё эти силы?

Ирина легла на кушетку, уставившись в потолок. Завтра снова будут фотографии, снова испытания, снова вопросы. Но сегодня она хотела просто подумать. И запомнить: мир, в который она попала, был не просто новым. Он был сломан и собран заново. И, возможно, ей предстояло стать частью этого нового мира — или найти способ понять, почему она в нём оказалась.

Дверь открылась и к ней зашёл Кайл.

Ирина сидела, уставившись на свои сцепленные пальцы, будто в них можно было найти нужные слова. В голове всё смешалось: и рассказы Никиты, тот самый военный с блокнотом, про Москву, про старые здания, про телефоны, которые когда-то связывали людей за тысячи километров, и этот тяжёлый, чужой взгляд Кайла. Мужчина решил нарушить сложившуюся тишину.

— Артур Павлович мне всё рассказал. Тебя точно зовут... Ирина?

— Это моё имя, — сказала она спокойно, хотя внутри всё дрожало, как натянутая струна. Она поняла, что он имеет в виду её силы. — Настоящее. Другого у меня нет.

Кайл не сдвинулся с места. Он стоял у двери, словно боялся, что если сделает ещё шаг, то перейдёт какую-то невидимую черту — и назад уже не вернуться. Плечи его были напряжены, пальцы сжимали край дверной рамы так, что побелели костяшки.

— Про силы, — повторил он, будто пробуя слово на вкус, и поморщился, как от чего-то горького. — Про то, как ты двигаешься... быстрее, чем положено. Как раны заживают, будто их и не было. Мне вывалили это всё, как мешок камней: сухо, по пунктам, без объяснений. Как отчёт.

Ирина медленно подняла на него глаза.

— Я не хотела, чтобы на меня так смотрели, — тихо призналась она. — Как на... аномалию. На что-то, что нужно изучать, проверять, испытывать.

Кайл наконец моргнул, и в этом движении проскользнуло что-то человеческое — усталость, растерянность.

— А как ты хотела, чтобы на тебя смотрели?

— Как на Ирину, — ответила она без раздумий, и голос её прозвучал твёрже, чем она сама ожидала. — Как на того, кто прикрывает спину, кто идёт рядом. Не как на эксперимент. Или как на девушку. Я хочу помогать вам. Хочу искать еду, припасы.

Он чуть наклонил голову, будто прислушивался не к словам, а к тому, что за ними пряталось.

— Странно, что Артур Павлович не сказал Петру, — пробормотал Кайл, скорее себе, чем ей. — Пётр к тебе... по-другому относится. Мягче. Если бы он знал, может, перестал бы вообще подпускать тебя к опасностям. Или, наоборот, начал бы держаться на расстоянии.

Ирина горько усмехнулась.

— Вот именно. Я не хочу, чтобы меня прятали. И не хочу, чтобы боялись. Я и сама не знаю, откуда это всё. Иногда сила просто приходит, будто кто-то щёлкает выключателем. А иногда её нет, и я такая же, как все. Слабая. Обычная. И это... пугает больше всего.

Кайл наконец отпустил дверную раму и сделал один осторожный шаг вперёд. Не к ней — просто вглубь комнаты, как будто ему нужно было больше пространства, чтобы уложить в голове всё услышанное.

— Ты не обязана была рассказывать всем подряд, — произнёс он после паузы, и в его голосе не было ни упрёка, ни злости, только эта глухая, тяжёлая усталость. — Но Пётр обязан это знать. Он как никто другой этого заслуживает. И расскажь ему ты. Мы друзья с ним. И я не смогу долго скрывать от него эту тайну. Пусть лучше он узнает её от тебя.

Ирина опустила взгляд, а потом снова подняла его, прямо в глаза Кайлу. В груди что-то разжималось, медленно, осторожно, как туго затянутый узел, который наконец поддался.

— Спасибо, — прошептала она. — Это... Эти слова много значат.

Тишина в комнате стала другой — не давящей, не враждебной, а почти уютной, как бывает, когда после долгого напряжения можно наконец выдохнуть.

— Никита мне про Москву рассказывал, — вдруг сказала Ирина, пытаясь немного развеять эту серьёзность, но не уйти от неё совсем, а просто добавить в разговор что-то светлое. — Про музей телефонов. Представляешь, раньше люди могли говорить друг с другом, даже если были на разных концах страны. Просто взяли трубку — и слышали голос. И про банкноты рассказывал... про то, как мир был устроен. Мне хочется туда попасть. Хоть раз увидеть эти здания, эти улицы. Почувствовать, что где-то ещё осталось что-то от старого мира.

Уголок губ Кайла дрогнул в едва заметной улыбке.

— Там действительно красиво, — кивнул он. — И странно. Как будто прошлое не исчезло, а просто спряталось за новыми стенами, за новыми правилами. Если когда-нибудь будет возможность... я помогу тебе туда добраться.

Ирина улыбнулась в ответ, и улыбка вышла не беззаботной, а какой-то благодарной — за то, что он не отвернулся, за то, что остался здесь, рядом, даже узнав то, что могло всё изменить.

Они посидели ещё немного в тишине, каждый со своими мыслями, но уже не по разные стороны невидимой стены. И впервые за долгое время Ирина почувствовала, что её секрет не стал преградой — а стал чем-то, что можно разделить, не теряя себя. Кайл стал относиться к ней по другому. А её всё так же тянуло к нему. Но для чего Артур Павлович рассказал всё Кайлу? И почему он пришёл именно сейчас?

Ирина осторожно покосилась на гипс, будто боялась задеть даже взглядом.

— А как рука? Всё ещё болит? — спросила она, чуть наклонив голову.

Кайл пошевелил пальцами, словно проверяя, насколько свободно они двигаются, и кривовато усмехнулся:

— Заживает. Уже и есть могу, и пистолет держать. Не волнуйся, не подведу в случае чего.

Ирина чуть нахмурилась, будто пыталась сложить в голове кусочки какой-то большой головоломки. Она подняла взгляд и посмотрела прямо в его серые глаза — спокойно, но с той самой внимательностью, от которой становилось не по себе.

— Тогда зачем ты пришёл? Просто поведать? Или есть что-то ещё?

Кайл на мгновение запнулся. Он и сам не знал, почему ноги сами привели его сюда именно сейчас. Хотел убедиться, что с ней всё в порядке? Или просто хотелось увидеть её вне суеты, без криков, выстрелов и монстров. В этот момент он вдруг поймал себя на мысли, что Ирина не только опасная, с кучей тайн, которые лучше не трогать, но и... красивая. Длинные волосы, собранные в небрежный хвост, тёмные глаза, в которых будто пряталось что-то большее, чем просто усталость. Он невольно скользнул взглядом чуть ниже — и тут же одёрнул себя, чувствуя, как внутри всё сжалось от неловкости.

Ирина вдруг замерла, будто почувствовала этот тёплый, немного растерянный взгляд. Её щёки чуть порозовели, и она машинально поправила прядь, выбившуюся из хвоста. В комнате повисла тишина — густая, звенящая, в которой слышно было даже, как где-то в коридоре скрипнула дверь.

Кайл резко выдохнул, будто сбрасывая с себя оцепенение, и выпалил, чтобы хоть как-то заполнить эту неловкость:

— С завтрашнего дня я буду учить тебя стрельбе. По приказу Артура Павловича.

Не успела Ирина и слова вставить, как он уже шагнул к двери, будто спасаясь от собственных мыслей. Дверь тихо щёлкнула, закрываясь за ним, а Ирина осталась сидеть, глядя на пустое пространство, где только что стоял Кайл, и пытаясь унять странное, колющее чувство где-то под рёбрами.

7)

Солнце едва пробивалось сквозь тяжёлые тучи, окрашивая стены Нового Орла в тусклый серый цвет. В тренировочном дворе пахло пылью и металлом, а воздух был густ от напряжения — сегодня у Ирины день экзаменов.

За эти месяцы она изменилась. Движения стали собраннее, взгляд — острее. Она уже не та растерянная девушка, что когда-то сидела на кушетке, пытаясь осознать, где она и что с ней происходит. Теперь она знала, как держать оружие, как уходить от удара, как читать следы на земле. И главное — она научилась чувствовать момент, когда сила начинала пульсировать под кожей, и могла удерживать её, не давая вырваться наружу. Артур Павлович, наблюдавший за ней из окна своего кабинета, едва заметно кивал: результаты впечатляли.

Ирина стояла у стрельбища, теребя край рукава. Мысли путались, перескакивая с одного на другое. Перед глазами то и дело всплывали лица — Петра и Кайла.

К Петру её тянуло тихо, почти незаметно, как тянет к теплу в промозглый день. Он не кричал, не подгонял, а терпеливо объяснял, поправляя её движения лёгким касанием. В его спокойствии было что-то надёжное, будто за его спиной можно было выдохнуть и перестать всё время быть начеку. Ирина ловила себя на том, что ищет его взгляд в толпе тех людей, которые обучают и следят за ней. Ирина радуется, когда он улыбается ей, и долго потом прокручивает в

голове его слова, будто они были не просто наставлениями, а чем-то большим. Но именно из-за этого тепла ей было страшнее всего признаться ему в правде о себе. Казалось, если она скажет хоть слово о своих силах, о том, как проснулась посреди города без прошлого, это спокойствие рассыплется, как песок сквозь пальцы. Но месяц назад она переборола себя и смогла всё ему поведать. Пётр не отвернулся от девушки, а скорее, наоборот, обнял её и сказал, что всегда готов поддержать её. Его допустили к обучению Ирины на равне с его другом.

С Кайлом всё было иначе — остро, резко, как удар хлыста. Он не щадил, не сглаживал углы, и порой его крики заставляли её сжиматься от обиды. Но в то же время именно он заставлял её становиться сильнее. Когда Кайл хмурился и говорил: «Ещё раз, пока не будет идеально», в груди у Ирины разгорался упрямый огонь. Она хотела доказать ему, что может, что достойна стоять рядом с его отрядом. И в редкие моменты, когда напряжение спадало, она замечала в его взгляде не только требовательность, но и уважение. А иногда — что-то ещё, от чего сердце начинало биться быстрее.

Тепло от них обоих было разным, но одинаково нужным. Одно согревало, другое закаляло. И Ирина не знала, какое из них ей дороже.

В своём кабинете Артур Павлович, пока Ирина тренировалась, смотрел на стопку отчётов, но не видел букв. Его мысли крутились вокруг одного: оборотень. После той вспышки красного света, про которую утверждает Ирина, и странной силы этой удивительной девушки тишина казалась неестественной. Серый вернулся из столицы с приказом готовить бойцов, но без подробностей — будто кто-то наверху знал больше, чем хотел говорить.

«Почему именно сейчас?» — снова и снова спрашивал себя Артур Павлович. Случайность? Или появление оборотня было связано с Ириной? Её способности, скорость, скорость заживления ран — всё это кричало о том, что она не обычная девушка. Он что-то знал, но даже себе не хотел формулировать это чётко. Слишком многое стояло на кону. Если оборотни действительно возвращаются, если их не один, а целая армия, Новый Орёл должен быть готов. И Ирина — часть этой готовности, даже если она сама не понимает своей роли.

Пётр стоял у окна рядом с ним, скрестив руки на груди. Он тоже думал об Ирине, но по-своему. Её упорство, её молчаливая решимость цепляли его. Он видел, как она старается не показывать слабость, как прячет усталость за ровным взглядом. И чувствовал, что за этой сдержанностью скрывается что-то важное. То, что она не рассказывала. Пётр не знал, связано ли это с оборотнем, но интуиция подсказывала: всё переплетено. И если сегодня она пройдёт экзамены, если докажет, что может держать себя в руках даже под давлением, то станет не просто бойцом — станет ключевой фигурой в том, что надвигалось на город.

На дворе Ирина глубоко вдохнула, прогоняя лишние мысли. Впереди — экзамен. Стрельба, ближний бой, тактика. И если она справится, ей разрешат гулять по улицам города самостоятельно и вступить в отряд военных. Это был шаг из учениц в бойцы. Шаг, который она хотела сделать, но который одновременно пугал её: ведь вместе с новой свободой придёт и новая ответственность.

Она подняла голову, встретив взгляд Кайла, стоявшего у края площадки. Он коротко кивнул — не как наставник, а как равный. Где-то позади, у оружейной стойки, Никита поправил ремень и тоже посмотрел на неё — спокойно, уверенно.

Ирина улыбнулась краешком губ. Сегодня она должна была доказать не только городу, но и себе, что готова.

Кайл скомандовал начало экзамена по стрельбе. Ирина встала на рубеж, привычно проверила хват, на секунду замерла — и пошла работа. Сначала пистолет: короткие серии, чёткие паузы между выстрелами, каждый раз ствол возвращался ровно в линию прицела. Мишени щёлкали, падали, рассыпались в щепки — все попадания строго в «десятку». Потом автомат: она сменила стойку, чуть наклонила корпус, и очередь пошла не как у новичка, который боится

отдачи, а как у того, кто эту отдачу чувствует и использует. Траектория пуль ложилась в идеальный круг по центру каждой мишени.

Кайл смотрел, прищурившись, будто пытался поймать хоть одну ошибку в её движениях. Никита рядом тихо хмыкнул и сделал пометку в блокноте. Когда Ирина опустила оружие и спокойно доложила о завершении, Кайл коротко кивнул:

— Без суеты. Без лишних движений. Чистая работа.

Никита добавил, чуть улыбаясь:

— Будто не экзамен, а демонстрация.

Дальше был рукопашный бой. Первый раунд — один боец из отряда Кайла, крепкий, быстрый, с привычкой давить массой. Он пошёл в атаку сразу, без разведки: шаг, боковой, попытка сбить стойку. Но Ирина не стала уходить в глухую защиту. Она скользнула в сторону, почти не меняя центра тяжести, и его удар прошёл мимо — так близко, что ткань на рукаве шевельнулась. Ответный удар был не грубым, а точным: короткий тычок в плечо, чтобы сбить баланс, затем подсечка, рассчитанная до миллиметра. Боец рухнул на мат, не успев понять, как оказался внизу. Он тут же поднялся, встряхнул головой, будто проверяя, не сон ли это, и снова пошёл вперёд — теперь осторожнее. Но Ирина уже диктовала темп. Её движения были не просто быстрыми — они опережали его реакции на долю секунды, словно она видела следующий шаг ещё до того, как он его задумал. Ещё пара касаний, финт, и он снова оказался на мате, на этот раз с явным уважением в глазах.

Зрители у ограждения переглянулись. Пётр едва заметно приподнял бровь. Кайл стиснул зубы, будто ему одновременно хотелось и похвалить, и потребовать объяснений.

А потом начались настоящие испытания: трое бойцов сразу. Они не стали бросаться на неё скопом — знали, что против скорости это бесполезно. Один пошёл в обманную атаку, второй пытался зайти сбоку, третий выжидал, чтобы поймать на ошибке. Но Ирина двигалась не как одиночка, загнанная в угол, а как вихрь, который сам выбирает, кого задеть первым. Она не тратила силы на лишние блоки: уходила с линии удара, перенаправляла инерцию, использовала чужие движения против них самих. Один из бойцов попытался схватить её за руку — и тут же получил мягкий, но жёсткий толчок в плечо, который развернул его боком к третьему, создав им самим себе помеху. Дальше всё пошло как по цепочке: подсечка, уклон, короткий удар, снова уклон. Трое, которые привыкли работать слаженно, вдруг начали мешать друг другу, пытаясь не попасть под собственные же манёвры. Через минуту все трое уже стояли, тяжело дыша, а Ирина даже не сбила дыхание. Она смотрела на них спокойно, будто только что не разбросала по мату опытных бойцов, а просто показала пару приёмов на тренировке.

Артур Павлович, стоявший чуть в стороне, медленно опустил руку, которой до этого машинально сжимал край куртки. Его лицо оставалось неподвижным, но в глазах читалось то самое редкое удивление, которое появляется, когда видишь что-то выходящее за рамки привычного. Он не стал аплодировать, не стал ничего говорить — просто кивнул, как будто мысленно ставил галочку: «Это нужно учитывать».

Остался, как думала Ирина, последний экзамен — история. Просторный кабинет, стол, стулья, на стенах — карты и схемы, будто здесь разбирают не даты, а планы операций. Напротив неё сидели Никита, Пётр, Кайл и Инга, её преподаватель по истории — строгая женщина с внимательными глазами и привычкой задавать вопросы, которые проверяют не память, а понимание. Ирина отвечала ровно, без спешки, связывая события, показывая причинно-следственные связи, приводя примеры, которые Инга сама не упоминала на занятиях. Было видно, что она не зубрила, а действительно разбиралась в материале. Инга в конце лишь коротко улыбнулась и кивнула:

— Ты не просто знаешь факты. Ты видишь картину.

Когда экзамен закончился, Ирина наконец позволила себе выдохнуть. На губах появилась лёгкая улыбка, плечи чуть опустились — будто с них сняли невидимый груз. Она уже

мысленно ставила галочку напротив «последний экзамен», когда Никита вдруг кашлянул, привлекая внимание.

— Есть ещё один момент, — спокойно сказал он, глядя прямо на неё.

Ирина замерла. Пётр нахмурился, будто хотел возразить, но сдержался. Кайл напрягся, будто ждал подвоха.

Никита пояснил:

— Всё это время я занимался аналитикой твоего поведения. Смотрел, как ты реагируешь на стресс, на неожиданные ситуации, как меняешь тактику, как контролируешь эмоции. Фиксировал каждую деталь: взгляд, паузу, изменение темпа дыхания. Это тоже экзамен. И я не просто наблюдатель — я тот, кто ставит итоговую оценку. Даже Артур Павлович не знает, что я напишу в отчёте, таков его приказ.

Он вышел вперёд, встал перед Ириной, открыл свой толстый блокнот, полистал страницы, исписанные мелким почерком, задержался взглядом на нескольких строках, потом закрыл его. На лице появилась редкая, тёплая улыбка — не насмешливая, а одобрительная.

— Ты идеально прошла и этот экзамен, — тихо, но твёрдо сказал он. — Не потому что не ошибалась. А потому что даже в ошибках ты оставалась собой. И это самое ценное.

Ирина сидела, не зная, что сказать. В груди поднималось странное чувство — не просто облегчение, а что-то большее: будто она наконец-то доказала не кому-то, а себе, что может держать удар и не сломаться. Пётр чуть заметно улыбнулся, Кайл впервые за день расслабил плечи. А Артур Павлович, всё ещё сохраняя официальный вид, коротко произнёс:

— Добро пожаловать в команду.

8)

Гулять по городу было одним из любимых занятий Ирины в свободное время — словно каждый шаг смывал с души тяжёлый налёт многолетнего одиночества. После стольких лет, когда её мир сузился до четырёх стен, коридоров базы и учебных полигонов, улицы казались огромной, живой картиной, написанной яркими, почти нереальными красками.

Ветер, пахнувший пылью, дождём и чем-то неуловимо городским, ласкал лицо, будто впервые по-настоящему касался её кожи. Каждый звук — скрип старой двери, далёкий смех, стук каблучков по брусчатке — звучал как откровение. Ирина ловила эти звуки жадно, словно боялась снова потерять способность слышать мир.

Она шла медленно, впитывая каждую деталь: облупившуюся краску на фасаде дома, который стоял здесь, наверное, ещё до катастрофы; солнечные пятна, пляшущие на асфальте, как золотые монетки; тени от деревьев, похожие на причудливые узоры. Всё вокруг было одновременно чужим и родным, будто она вернулась в место, которое когда-то знала, но забыла.

В груди разливалось странное чувство — лёгкое, как мыльный пузырь, и в то же время глубокое, как колодец. Это была свобода, смешанная с робкой благодарностью. Ирина улыбалась без причины, и эта улыбка рождалась где-то глубоко внутри, поднимаясь из самых потаённых уголков души. Одиночество, которое годами сжимало её сердце ледяными пальцами, теперь отступало, растворялось в шуме города, в тёплом воздухе, в ощущении, что она наконец-то не одна — пусть даже пока только среди незнакомых прохожих.

После сдачи экзамена ей разрешили гулять одной. Поначалу Ирина боялась этой свободы — ей казалось, что стоит отойти чуть дальше привычного маршрута, как невидимая граница щёлкнет замком, и её вернут обратно. Но дни шли, никто не останавливал, не окликал, не требовал вернуться, и страх постепенно таял, уступая место тихой радости.

Однажды, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая серые стены домов в нежно-розовый цвет, Ирина затерялась в лабиринте узких улочек. Она не спешила, разглядывала старые вывески, которые едва проступали сквозь слои краски, и прислушивалась к эху собственных шагов. В какой-то момент она оказалась на небольшой площади, где посреди асфальта пробивался упрямый росток травы, и замерла, заворожённая этой маленькой победой жизни.

Пётр случайно увидел её в толпе. Он стоял у края площади, прислонившись к фонарному столбу, и вдруг заметил знакомый силуэт — стройную фигуру, длинные волосы, развевающиеся на ветру, и эту особенную манеру стоять, будто весь мир замер, чтобы дать ей время всё рассмотреть. Сердце его ёкнуло, и он, не раздумывая, двинулся вперёд, ловко лавируя между прохожими.

— Ира! — окликнул он, когда до неё оставалось всего несколько шагов.

Ирина обернулась, и на её лице вспыхнула та самая улыбка, от которой у Петра всегда становилось теплее на душе.

— Петя... А я и не думала, что ты здесь, — проговорила она, слегка смутившись, будто её застали за чем-то очень личным.

— Я просто шёл мимо и вдруг увидел тебя. Ты стояла так тихо, будто боялась спугнуть этот город, — Пётр улыбнулся, чувствуя, как напряжение дня тает без следа.

Они пошли вместе, не спеша, подстраиваясь под шаг друг друга. Ирина рассказывала о том, как впервые заметила этот росток, как удивилась, что жизнь пробивается даже сквозь бетон, а Пётр слушал, кивал и время от времени добавлял что-то своё — историю про этот район, про старого мастера, который когда-то держал лавку на углу, про то, как здесь в детстве запускали воздушных змеев, после переезда из фермы отца.

Город вокруг них жил своей жизнью, шумел, дышал, и в этом шуме Ирина чувствовала себя частью чего-то большого и важного. Рядом с Петром одиночество больше не казалось бездонной пропастью — оно превращалось в лёгкую тень, которая не пугала, а лишь напоминала о том, сколько всего ещё предстоит узнать и почувствовать.

Они остановились у старого моста, где ветер был особенно сильным и приносил с собой запах реки. Ирина обхватила себя руками, не столько от холода, сколько от волнения, которое всё сильнее сжимало грудь. Пётр заметил это и чуть наклонился, чтобы поймать её взгляд.

— Ты сегодня какая-то тихая. О чём думаешь?

Девушка вздыхает, смотрит на рябь воды.

— О завтрашнем дне... Вернее, о том, что будет через пару дней. О вылазке в заброшенный город.

— Понятно. Любой бы волновался. Там... не то место, где можно расслабиться.

Ирина пожимает плечами, пытается улыбнуться, но улыбка выходит натянутой.

— Я ведь столько тренировалась. Стреляла, дралась, бегала... И на экзамене всё получилось. Но теперь, когда это по-настоящему, когда там будут не мишени и не тренировочные бойцы, а... неизвестно что... Мне страшно, Петя. По-настоящему.

Пётр мягко кладёт руку ей на плечо, но тут же убирает, будто боится спугнуть.

— Страх — это нормально. Если бы ты не боялась, я бы волновался ещё больше. Это значит, что ты понимаешь, насколько всё серьёзно.

— А если я подведу? Если в решающий момент растеряюсь? Там ведь будет Кайл, его отряд... Они все такие опытные.

— Ты не подведёшь. Ты сильнее, чем думаешь. И дело не только в том, сколько мишеней ты сбила или сколько бойцов положила. Дело в том, как ты думаешь, как чувствуешь ситуацию. У тебя это есть, Ира. Я видел.

Ирина поднимает глаза, в них мелькает надежда.

— Правда?

Пётр улыбается, чуть склоняет голову.

— Правда. И ещё... Ты не будешь там одна. Я буду рядом. Кайл тоже. Мы прикроем тебя, а ты прикроешь нас. Так и работает команда.

Ирина глубоко вдыхает, будто пытается вобрать в себя эту уверенность.

— Спасибо, Петя. Просто... когда говоришь об этом вслух, становится не так жутко.

— Вот и хорошо. Давай пока не будем думать о плохом. Лучше расскажи, что бы ты хотела сделать после вылазки, когда всё закончится и мы вернёмся. Что-то совсем обычное. Может, пирожок съесть? Или снова по этим улочкам побродить?

Её лицо светлеет, в глазах появляется озорной блеск.

— Пирожок — это обязательно. А потом... хочу дойти до той площади, где росток пробился. Хочу посмотреть, не вырос ли он ещё хоть на сантиметр.

Пётр смеётся тихо, искренне.

— Дойдём. И посмотрим. Обещаю.

Они снова пошли вперёд, уже быстрее, но всё так же рядом, плечом к плечу. Ветер играл их волосами, город шептал свои бесконечные истории, а впереди, пусть и с лёгкой дрожью в душе, ждала новая глава — та, которую Ирина больше не боялась встретить.

9)

Пётр стоял посреди кабинета, руки сложены за спиной, взгляд обводил каждого из присутствующих. Тусклая лампочка под потолком бросала дрожащий свет на карту города, приколотую к стене за его спиной. Он заговорил — негромко, но так, что каждое слово заполняло комнату целиком.

— Значит, слушайте внимательно. Повторять не буду.

Он выдержал паузу, давая тишине сделать свою работу.

— Смоленск. Мы идём туда впервые. Последние данные с разведгруппы — три недели назад. Город пуст, но пустота обманчива. На восточной окраине группа засекла движение. Не люди. Не звери. Тёмные силуэты, перемещаются группами по три-пять особей. Где трое — там тридцать. Это правило, забудьте его — и не вернётесь.

Пётр развернулся, ткнул пальцем в карту.

— Маршрут такой. Входим с юга, по улице Большая Советская. Не по центральной — там слишком открытое пространство, длинные прямые участки, негде укрыться. Большая Советская узкая, дома по обеим сторонам — значит, перекрытий больше, значит, укрытий больше. Движемся до перекрёстка с улицей Дзержинского. Там — первая точка проверки.

Он провёл ногтем линию по карте, оставив светлый след поверх пыльной бумаги.

— Дальше — делимся. Группа «Север» под моим командованием — шесть бойцов — идёт к больнице. Цель: медикаменты, перевязочные, антибиотики. Всё, что найдёте, тащите. Группа «Восток» под командованием Кайла — четыре бойца — выдвигается к рынку. Цель: консервы, сухпайки, вода в бутылках, инструменты. Движемся на трёх машинах. Серый и Никита остаются в машине, держат связь и наблюдают за периметром.

Пётр снова повернулся к сидящим. Лицо его было спокойным, но в глазах горел огонёк, который Ирина видела каждый раз, когда он говорил о деле — сосредоточенный, почти жестокий.

— Теперь правила. Первое. Дистанция между бойцами — три метра. Не два, не пять. Три. Достаточно, чтобы при атаке с одной стороны не зацепило двоих. Достаточно близко, чтобы успеть прийти на помощь. Второе. Тишина. Говорить — только шёпотом и только по делу. Сигналы — жесты. Кулак вверх — остановка. Ладонь вниз — пригнуться. Рука в сторону — отход в указанном направлении. Три хлопка — полная тишина и замерание. Все. Без исключений.

Он обвёл взглядом бойцов. Некоторые кивали, другие смотрели в пол. Артур Павлович записывал в свой потрёпанный блокнот.

— Третье. Огонь — только по команде или при прямой угрозе жизни. Не стреляйте по одиночным заражённым, если можно обойти. Каждый выстрел — это колокол, который созывает всех мёртвых в радиусе квартала. Патроны беречь. Если у вас в магазине двадцать патронов — этого должно хватить на двадцать заражённых, а не на одного и панику. Четвёртое. Раненый — эвакуация в первую очередь. Не героизм, не «дорвёмся до конца». Раненый тянет

группу вниз, и если его не эвакуировать — потеряете и его, и себя. Пятый — заражённые в ближнем бою. Если вышел из патронов или контакт внезапный — бейте в голову. Всё остальное им не важно. Они не чувствуют боли, не останавливаются. Голова — единственное, что их остановит.

Пётр обвёл взглядом собравшихся — в кабинете повисла тяжёлая, звенящая тишина, будто даже воздух стал гуще от напряжения. Он шагнул вперёд, голос звучал ровно, но в нём проступала сталь — так говорят, когда от слов зависят жизни.

— Слушайте внимательно, — Пётр чуть наклонил голову, будто сам примерял на себя каждое слово, которое собирался произнести. — Заражённые... они не быстрые. Чаще всего — медленные, тяжёлые, будто земля тянет их вниз. Шагают, волоча ноги, движения рваные, неуклюжие, как у марионетки, у которой перерезали половину нитей. Кажется, что от такого можно легко уйти. И это правда... если он один.

Он сделал паузу, давая этим словам осесть, проникнуть под кожу, и продолжил:

— Но беда в том, что поодиночке они почти не ходят. Чаще сбиваются в стаи — толпы. Десятки, а то и больше. И вот тогда эта их медлительность становится ловушкой. Они не бегут, но наступают стеной. Тянут руки, хрипят, наваливаются массой. От такой волны не отмахнёшься. Она давит, сбивает с ног, затягивает.

Пётр сжал кулаки, и костяшки побелели — не от гнева, а от того, как сильно он старался удержать контроль над голосом.

— И это не всё. Не думайте, что худшее, с чем мы можем столкнуться, — это толпа. Есть кое-что страшнее. Оборотень. Может, один. А может, и несколько.

При этих словах в комнате будто стало холоднее. Даже Артур Павлович, сидевший в своём высоком кресле, чуть подался вперёд, а Кайл едва заметно напряг плечи.

— Тот самый, что убил Илью, — тихо, почти шёпотом, но так, что слышали все, добавил Пётр, и в его голосе проскользнула горечь, смешанная с яростью. — Помните это имя. Илья не был новичком. Он знал, как держаться, как прикрывать спину. И всё равно не успел среагировать. Оборотень двигается иначе. Не как эти медленные тени. Он — молния. Резкий, точный, непредсказуемый. Один прыжок — и ты уже не успеваешь даже вдохнуть.

Пётр обвёл взглядом лица: в глазах бойцов читалась смесь страха и решимости, а взгляд Ирины был острым, собранным — она впитывала каждое слово, будто пыталась разглядеть за ними не просто угрозу, а путь сквозь неё.

— Поэтому правило первое: не разделяемся ни при каких условиях. Если видите толпу — не пытайтесь пробиться сквозь неё в одиночку. Ищите обходные пути, используйте высоту, узкие проходы — всё, что помешает им навалиться массой. Если почувствуете, что что-то не так, если в воздухе вдруг станет слишком тихо или, наоборот, пронесётся странный звук — сразу сигнал. Никаких «может, показалось». Здесь любая ошибка стоит жизни.

Он на секунду прикрыл глаза, словно прогоняя перед внутренним взором картину той ночи, когда не стало Ильи, и снова посмотрел на отряд:

— Мы идём туда не для того, чтобы геройствовать. Мы идём, чтобы вернуться. Все. Каждый. Держитесь друг за друга. И помните: медленные заражённые опасны толпой. А оборотень опасен всегда. Будьте готовы ко всему.

Пётр понизил голос ещё на полтона.

— И последнее. Если кто-то оказался в окружении и отход невозможен — никто не возвращается за ним в одиночку. Группа — целиком или никак. Если я падаю — командование переходит к Кайлу. Если Кайл падает — к старшему по группе. Никто не геройствует. Мы возвращаемся все или не возвращается никто. Вопросы?

Тишина была ответом. Пётр кивнул.

— Через тридцать минут — у машин. Разобрать снаряжение. Свободны.

Ирина сидела на краю стула, вцепившись в колени так, что пальцы побелели. Снаружи она казалась спокойной — так было всегда, с детства, когда научилась прятать всё за ровной маской лица. Но внутри всё дрожало мелкой частой дрожью, как натянутая струна.

Смоленск. Само слово отдавалось в груди холодом. Она слышала, что город вымер давно — последние выжившие ушли ещё прошлой зимой, когда замёрзли коммуникации и запасы кончились. А заражённые — те, кто не смог уйти, кто не успел, кто стал чем-то другим, — остались. И теперь бродили по пустым улицам, по пустым квартирам, по пустым магазинам, где ещё, может быть, лежали консервы с просроченным сроком годности, которые для них с просрочкой — деликатес.

Она смотрела на Петра, и сердце делало странный пережат — вниз и вверх, как будто падало и тут же взлетало. Он стоял посреди комнаты, и от него шла такая уверенность, такая плотная, почти физическая, что хотелось просто закрыть глаза и довериться. Пётр не обещал, что всё будет хорошо. Он не из тех, кто обещает. Он из тех, кто делает. Когда он говорил «мы возвращаемся все» — он имел в виду именно это. Он бы умер за любого из них, и это пугало Ирину больше всего, потому что она не хотела, чтобы ему пришлось.

А если придётся? Мысль прокралась незаметно и застыла ледяным комком где-то между рёбрами. Она видела, как он проверяет снаряжение — методично, без суеты, — и каждой клеточкой тела хотелось подойти, встать рядом, сказать: «Я буду рядом, что бы ни случилось». Но она не могла. Не сейчас. Может быть, не сейчас — значит, никогда.

Потом она перевела взгляд на Кайла, и внутри случилось другое — не мягкость, а что-то острое, будто лезвие ножа скользнуло по коже, не порезав, но оставив след. Кайл сидел чуть в стороне от остальных, листал блокнот, делал пометки короткими точными движениями. Он не смотрел на Петра, когда тот говорил, — но Ирина знала, что Кайл запомнил каждое слово. Он всегда был таким: собранный, сжатый, как пружина, готовый в любой момент распрямиться. Рядом с ним она чувствовала не тепло, а силу — свою собственную, будто его присутствие каким-то образом заставляло её быть быстрее, точнее, злее.

К Кайлу тянуло иначе, чем к Петру. Не как к дому — как к вызову. Как к чему-то, что нужно было доказать — себе, ему, всему миру. Когда он смотрел на неё — а он смотрел редко, но всегда в нужный момент, — ей казалось, что он видит её насквозь, до самой сердцевины, и от этого было одновременно страшно и сладко.

С кем я буду? Этот вопрос крутился в голове весь брифинг. Не потому что она боялась — она боялась и так, — а потому что рядом с Петром страх утихал, а рядом с Кайлом обострялся до предела, и она не знала, что ей нужнее сегодня — покой или злость.

Она сглотнула, разжала пальцы, помассировала ладони. Через тридцать минут — у машин. Через тридцать минут всё решится.

Утро было серым, небо — низким, будто придавленным к земле. Три внедорожника стояли на площадке перед базой — тёмные, приземистые, с решётками на стёклах и приваренными кронштейнами для фонарей. Два — «главных», в одном из них поедет Пётр с группой «Север». Второй — «Восток», под командованием Кайла.

Пётр стоял у головной машины, скрестив руки на груди, и смотрел, как бойцы один за другим подходят для проверки. Первый — молодой, лет двадцати, в самодельном нагруднике из сваренных стальных пластин. Пётр сам проверил крепления, подёргал ремни, постукивал костяшкой по пластине.

— Слегка болтается. Затяни ещё на одно отверстие. Если заразный вцепится — пластина съедет, и ты без защиты.

Парень кивнул, торопливо поправил. Пётр перешёл к следующему — коренастому, бывшему военному, который вызвался помочь, с автоматом на ремне.

— Магазины?

— Четыре полных, один — в оружии.

— Пять — мало. Возьми ещё два из ящика. И проверь предохранитель — должен быть на «огонь» только после выхода из машины. До того — на «безопасно».

Кайл работал на своей стороне — быстрее, жёстче. Он не просто проверял — он ощупывал каждый элемент, как будто от этого зависела его собственная жизнь. Один из бойцов подошёл с дробовиком, и Кайл молча забрал его, переломил ствол, заглянул в патронник, вернул.

— Гильзы выбрасывает вправо. Если будешь стрелять из-за левой стороны укрытия — гильза полетит тебе в лицо. Запомни и стреляй только с правой.

Боец кивнул и отошёл. Кайл посмотрел ему вслед, потом перевёл взгляд на Петра. Тот стоял, держа в руках список и вычёркивая проверенных.

Ирина вышла из здания последней. Она была в лёгком защитном жилете — не таком массивном, как у бойцов, — с двумя ножами на поясе и компактным автоматом за спиной. Кайл заметил её первым и замер на полуслове. Пётр поднял голову через секунду.

Между двумя машинами повисла тишина, которую ни один из них не собирался нарушать первым.

— Она едет со мной, — сказал Кайл. Не спросил — заявил. Голос ровный, но в нём чувствовался напор, как давление перед грозой.

Пётр сложил список, убрал в карман и повернулся к нему.

— Нет. Она едет со мной.

Кайл усмехнулся — одними губами, без глаз.

— Конечно. Ты всегда так решаешь. Без обсуждения.

— Это не обсуждается, Кайл. Больница — самый опасный участок. Ирина — наш лучший боец. Она должна быть там, где угроза выше.

— Именно поэтому она не должна быть с тобой, — Кайл шагнул ближе, понизил голос. — Ты идёшь в больницу. В больнице — замкнутые пространства, узкие коридоры, кабинеты, где за каждой дверью может быть заражённый. Если Ирина пойдёт с тобой и всё пойдёт боком — ты потеряешь и её, и себя, и четверых бойцов. А если она пойдёт со мной — у меня открытый маршрут, рынок, площадь. Есть пространство для манёвра. Есть куда отступить.

— Отступить — это твой план? — Пётр чуть наклонил голову. — Мы идём за припасами, Кайл, а не на прогулку. Если на рынке окажется группа заражённых — отступить будет некуда, площадь открытая. А в больнице, по крайней мере, есть двери, которые можно закрыть.

— Двери, которые можно закрыть — это и ловушка. Запомни это. Одна толпа заражённых — и вы заперты внутри, как крысы.

Пётр стиснул зубы. Он знал, что Кайл прав в оценке рисков. Но знал и другое — что Ирина рядом с ним будет под его личным контролем, и он скорее умрёт, чем допустит, чтобы с ней что-то случилось. Он не мог сказать этого вслух. Не здесь. Не сейчас.

— Я не собираюсь запереться. Мы входим, берём что нужно, выходим. Двадцать минут максимум. Если за двадцать минут не справляемся — уходим без груза.

— Двадцать минут в заражённой больнице, — Кайл покачал головой. — Пётр, ты слышал себя? Ты предлагаешь женщине, которая важнее всего для этой группы, войти в самое опасное здание в городе и провести там двадцать минут с четырьмя бойцами, которых ты даже толком не проверил.

— Я проверил каждого.

— Ты проверил их снаряжение. Не их нервы. Когда первый заражённый бросится на них из-за угла — половина замрёт. И что? Ирина будет одна против толпы, пока твои бойцы приходят в себя?

Пётр сделал шаг вперёд, и между ними осталось меньше метра.

— А у тебя что лучше? Четверо бойцов на открытой площади? Ты сам сказал — рынок может кишеть. Чем ты будешь прикрывать Ирину, когда они пойдут со всех сторон?

— Я буду между ней и ними, — тихо сказал Кайл. И в этих словах не было позы, не было бравады. Была констатация.

Пётр замолчал. Он смотрел на Кайла и видел в его лице то же, что чувствовал сам — страх за неё, перерастающий в ярость, и невозможность признаться в этом вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.